

ВИТТОРИО ФРАНЧЕСКИ

МАТ В ТРИ ХОДА.

(ДЕТСКИЙ МАТ)

(1989)

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

©ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО И РЕДАКЦИЯ ПАОЛО ЛАНДИ И ДМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ.

2004

Лебедев Дмитрий Владимирович,
443010, Самара-10, пл. Чапаева 1,
Самарский Академический театр драмы
им. Горького. Тел./факс (846-2) 327501.
Тел. Раб 8462) 327684, дом. (8462)
474054 сот. 8-902-379-2116.e-mail:
d.lebedev57@mail.ru

Paolo Emilio Landi
Viale Adriatico, 8
00141 Rome - Italy
Phone +39 06 8173881
Mobile +39 333 9759304
Email: paolo.landi@tin.it

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АНТОНИО - ОКОЛО 40
ВАЛЕРИО - НА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СТАРШЕ.
МАРИАННА - ОКОЛО 30.

АКТ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гостиная апартаментов среднего достатка. Обстановка пятидесятых годов здесь уживается с цветным телевизором и другими современными предметами, перемешивая стили, не считаясь с соображениями вкуса. В глубине за аркой открывается пространство прихожей с коридором, ведущим в другие помещения апартаментов. Дверь из матового стекла ведёт в ванную комнату. Слева от этой двери - окно из такого же непрозрачного стекла выходит во внутренний дворик дома. По коридору направо - входная дверь, которую мы не видим, налево - также невидимые двери в спальни. По правой стороне гостиной ближе к прихожей - стеклянная дверь в кухню, ближе к рампе - французское окно на крошечную террасу, заваленную картонными коробками, тряпками и глиняными вазами, в которых когда-то росли цветы. Между аркой и правой стеной - большой комод, в верхней застеклённой части которого расставлена посуда: тарелки, чашки, фужеры, кастрюли и тому подобное, ящики забиты всякой всячиной, а в нижней части, закрытой деревянными дверцами - постельное бельё, полотенца и скатерти. На полке - старый будильник, который остановился когда-то очень давно, фонарик, стеклянная ваза и банка с отвёртками, ножницами, рыболовными блёснами и тому подобным. Рядом с комодом - бар с бутылками и стаканами. Между аркой и левой стеной - деревянная вешалка-подставка, на которой висят: мужская, свободная куртка, юбка с прикреплённым к ней фартуком, шаль и свадебное платье без рукавов. Выше - шляпа-«борсалино» и два парика - один седой, другой - вьющийся, длинноволосый, блондинистый. Рядом с вешалкой - пара дамских туфель на каблуках. На левой стене полка, на которой старое радио. В углу слева - ещё одна дверь, которая, по-видимому, никогда не используется, так как завалена тетрадами, старыми учебниками и журналами. На переднем плане по обеим сторонам - пара кресел. Возле левого - маленький столик с телефоном. За правым - овальный стол с пластиковым покрытием и четыре стула. Перед левым креслом - телевизор. На переднем плане в центре на полу - детская железная дорога. Повсюду разбросаны детские журналы и всевозможные игрушки. Возле правого кресла - полосатый мяч.

Утро дня ранней осени. Из ванной комнаты доносится голос Антонио, который играет в войну. Сквозь стеклянную дверь ванной виден его силуэт. Из кухни выходит Валерио. Он неряшливо одет в неприметную рубашку и коричневатые брюки. Он подходит к вешалке, надевает юбку с фартуком, седой парик, направляется к двери в ванную и стучит в неё.

ВАЛЕРИО: Антонио! (Возвращается на кухню)

АНТОНИО: (из ванной) И-и-и-я-я-я! Бду-у-у-м! Та-та-та-та-та!

ВАЛЕРИО: (из кухни) Всё готово, Тони!

АНТОНИО: (из ванной) Я не могу пробиться, я в окружении!

ВАЛЕРИО: Завтрак готов! (Возвращается из кухни со скатертью, которой накрывает стол)

АНТОНИО: (из ванной) (имитируя самолёт) Уа-а о-у-и-и-э-а-о-у...

ВАЛЕРИО: Заклучи пока перемирие.

АНТОНИО: (из ванной) Нет.

ВАЛЕРИО: А потом опять начнёшь наступление.

АНТОНИО: (из ванной) Ни за что! Война закончится, когда я сам захочу!

ВАЛЕРИО: (возвращаясь на кухню) Хорошо, как скажешь. Только знай, что завтрак готов.

Дверь ванной распахивается. Появляется Антонио, на нём старенькая, потрёпанная пижама, поверх грязной рубашки, с висящим у ворота галстуком-бабочкой. На ногах у него чёрные остроносые туфли. В одной руке у него модель танка, в другой - модель самолёта.

АНТОНИО: Я не хочу кушать, солнышко. (Он ставит танк на стол, а самолётом летает над ним. Танк из всех видов оружия отстреливается) Та-та-та-та! Бду-у-м! ...Ба-ду-у-м!

Валерио возвращается из кухни с подносом, на котором - дымящаяся чашка, тост, масло, две баночки джема и банан. Он ставит поднос на стол.

ВАЛЕРИО: А теперь сядь за стол и веди себя, как пай мальчик. (Антонио подчиняется)

АНТОНИО: Ты что, запулил им из окна?

ВАЛЕРИО: Чем им?

АНТОНИО: Мёдом?

ВАЛЕРИО: А...да, да, я запулил им.

АНТОНИО: Вот грохоту-то было, да?

ВАЛЕРИО: Как из гранатомёта шандарахнуло. Чуть молоковоз не подбил. (Садится за стол и рассеянно потягивает кофе)

АНТОНИО: Почему ты ничего не ешь, мама?

ВАЛЕРИО: Я уже позавтракала.

АНТОНИО: Как ты думаешь, блондинки потому, что у них блондинистые волосы, да?

ВАЛЕРИО: Да именно по этой причине.

АНТОНИО: Блондинки, как Элизабет?

ВАЛЕРИО: Давай, доедай свой завтрак. Кто у тебя побеждает-то?

АНТОНИО: Войска внеземной цивилизации. (Попадает самолётом в кофейную чашку) Есть! Прямое попадание!

ВАЛЕРИО: (Подскакивает и шлёпает его) Идиот!

АНТОНИО: Нет! Неправильно! Мама никогда не бьёт меня.

ВАЛЕРИО: Ты просто забыл. (Вытирает салфеткой пролитый кофе)

АНТОНИО: (Хнычет) Не-е-т! Папа бьёт, а мама никогда не бьёт.

ВАЛЕРИО: Ладно, кофе больше нет. Допивай, то что в чашке осталось.

АНТОНИО: Там полно солярки. Я бензобак пробил.

ВАЛЕРИО: Тогда банан ешь.

АНТОНИО: Не хочу.

ВАЛЕРИО: Хорошо, тогда я его съем. (Тянется за бананом)

АНТОНИО: Нет! (Хватает банан, быстро его чистит, и откусывает большой кусок. Валерио берёт поднос с остатками завтрака и несёт его на кухню).

ВАЛЕРИО: А теперь собирайся, тебе пора в школу. Ты зубы почистил?

АНТОНИО: (С набитым ртом) Не буду их чистить, не буду их чистить. Мама меня обидела. (Швыряет кожуру банана через плечо) Не собираюсь их чистить. И отдай мой самолёт.

Валерио из кухни бросает мокрый самолёт в Антонио, тот едва успевает от него увернуться.

ВАЛЕРИО: (Из кухни) Привет от морской авиации!

АНТОНИО: Ты не моя мама. Не притворяйся, я всё равно знаю, что ты не моя мама.

ВАЛЕРИО: (Из кухни) Ну, хорошо, я твой брат. Наконец-то ты признал меня. Ты собрал свой портфель?

АНТОНИО: Я не пойду в школу. Я хороший мальчик, а они все плохие. Они нападают на меня и отнимают у меня марки. А я их не боюсь, а они меня бьют. Потому что я не такой большой и сильный как они. Я самый маленький в классе. А когда я убегаю от них, они всё равно догоняют и отбирают мои карандаши. Я не пойду в школу.

Валерио выходит из кухни, снимая фартук.

ВАЛЕРИО: Сколько раз тебе повторять? Ты хочешь, чтобы я тебя наказал?

АНТОНИО: Нет, не хочу.

ВАЛЕРИО: Мне пора идти, уже восемь часов. Я должен открыть магазин. (Он снимает юбку и парик, и вешает на место.)

АНТОНИО: Когда папа вернётся?

ВАЛЕРИО: В половине первого. Может быть раньше, если не будет покупателей.

АНТОНИО: А почему Люси больше к нам не приходит?

ВАЛЕРИО: (Поднимая из кучи какую-то папку и изучая её содержание) Ты знаешь, сколько ей лет? Семьдесят три. Уже одиннадцать лет прошло с тех пор, как...сам знаешь с чего. Одиннадцать лет она поддерживала чистоту и порядок в этом доме. С тобой в этом доме. С неё хватит.

АНТОНИО: Так я опять всё утро буду один?

ВАЛЕРИО: Я тоже всегда один.

АНТОНИО: Я хочу подружку.

ВАЛЕРИО: Они не ходят к таким маленьким мальчикам, как ты.

АНТОНИО: Получше поищи.

ВАЛЕРИО: Никто не соглашается. Но ты прав, нам позарез нужна здесь женщина. Ты только

посмотри, какой у нас бардак.

АНТОНИО: Это твоя забота, а не моя.

ВАЛЕРИО: (Как в сотый раз) Не подходи к телефону, не включай газ, не писай в штаны, не разбрасывай игрушки. Если что-то понадобится, позвони в колокольчик, и я приду. Но только, если действительно что-то случится. (Он выходит в коридор)

АНТОНИО: Валерио...

ВАЛЕРИО: Ммм?

АНТОНИО: Сколько лет сейчас было бы Элизабет?

ВАЛЕРИО: Тридцать восемь.

АНТОНИО: А мне?

ВАЛЕРИО: Сорок два.

АНТОНИО: А вместо этого, сколько мне сейчас?

ВАЛЕРИО: Семь. Восемь. Три. (Исчезая в коридоре) Шесть. Десять. Двенадцать. Четыре. (Слышно, как за ним захлопывается входная дверь)

АНТОНИО: Я древний как динозавр, даже если умру молодым, как цветок, правда, мамочка? Каждую весну я прорастаю медленно медленно. Сначала маленький пальчик, потом ручка, и, наконец, весь я, стебель и всё остальное. Когда я встретил Элизабет, я почти пробился из земли на свет Божий, а она чуть меня не растоптала. Так что мне пришлось закричать ей: «Эй, смотри, куда наступаешь!» Она отпрыгнула в сторону, и даже не задела меня. Любовь с первого взгляда, стебель и всё остальное! Родись я на грядке, мы бы с ней никогда не встретились. Но я вырос на тропинке, между двумя камнями, и в тот день она пошла по этой тропинке. К счастью для меня! Что? Что? (Он смотрит на свою грудь, и разговаривает, как будто с кем-то, кто находится у него под рубашкой) Элизабет - прелесть, а все остальные - уроды. И если кто-то скажет, что это не так, я наделаю в штаны. Скажи, скажи, что это не так, если у тебя хватит смелости! Все они уроды, уроды, уроды, уроды. Смотри, я сейчас сделаю это! Я не шучу! Я тебя предупреждал! Пссс...пссс...(Со смешанным выражением блаженства и трагизма на лице, расставляет ноги и писает в штаны)

Медленно уходит свет.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Полдень. Сцена пуста. Слышно, как открывается и закрывается входная дверь. Шаги по коридору. Входит Валерио. У него в руках два пакета с покупками и газета. Он кладёт всё это на стол. Включает пультом телевизор. Слышны позывные новостей.

АНТОНИО: (Из спальни) Папа, это ты? (Валерио не отвечает. Молча подходит к вешалке и надевает куртку и шляпу) Это ты папа?

ВАЛЕРИО: (Устало падая в кресло перед телевизором) Да, это я.

АНТОНИО: (Входя в гостиную) Валерио обещал, что ты раньше вернёшься. (Встаёт перед Валерио, загоразивая телевизор) Привет, папа.

ВАЛЕРИО: Привет. (Жестом просит не загроживать экран телевизора)

АНТОНИО: Почему ты не спрашиваешь - сколько будет семью семь? А? Семь помножить на семь?

ВАЛЕРИО: Сколько будет семью семь?

АНТОНИО: Сорок девять. (Слышен голос диктора)

ВАЛЕРИО: Молодец. (Машет рукой) А сейчас дай мне посмотреть новости.

АНТОНИО: Я хочу кушать.

ВАЛЕРИО: Сейчас новости посмотрю, и будем кушать. (Антонио не двигается с места)

АНТОНИО: Много фотографий сделал сегодня?

ВАЛЕРИО: О, больше сотни, наверно. (Нетерпеливо) Не маячь, отойди от телевизора!

АНТОНИО: (Прыгает из стороны в сторону перед экраном) А вот и нет, а вот и нет! У папы не было такого аппарата, это ты его установил. Правда, ведь? Скажи, пап?

ВАЛЕРИО: (Ему стоит большого труда, чтобы оставаться спокойным) Правда. (Понижая голос) При мне такой чепухой ещё не занимались.

АНТОНИО: Тогда я тебя ещё раз спрашиваю: «Много фотографий сделал сегодня?»

ВАЛЕРИО: (Низким голосом) Пока я здесь хозяин, в моём магазине не будет никакой чёртовой техники. Свяжешься с этими машинами, потом не развяжешься. Без конца ломаются. Так и клиентов всех растерять не долго. Тетради, карандаши, чернильницы, перьевые ручки - вот мой товар.

АНТОНИО: А стиралки?

ВАЛЕРИО: (Низким голосом) Да, стиралки тоже. (Антонио присаживается на правый подлокотник кресла. Валерио наклоняется вперёд поближе к телевизору, чтобы лучше слышать диктора) (Своим голосом) Так, а сейчас заткнись, дай послушать.

АНТОНИО: А в коричневом ящике ещё есть перья?

ВАЛЕРИО: (Раздражённо) Какие ещё перья?

АНТОНИО: Когда я заходил в магазин, я любил их пересчитывать. Раскладывал их рядами на прилавке и считал. А ты, бывало, говорил: «Вот хороший мальчик. Теперь ещё раз пересчитай пёрышки» Признайся, ты меня заставлял их всё время пересчитывать, чтобы я себя тихо вёл? Да?

ВАЛЕРИО: Вовсе нет. Ты был хороший маленький мальчик.

АНТОНИО: Я не был непослушным? Или маленьким буйным шельмецом?

ВАЛЕРИО: О, тогда и сейчас, ты, как все дети. (Снова наклоняясь вперёд к телевизору) Дай послушать, а?!

АНТОНИО: Их было больше двух сотен.

ВАЛЕРИО: Чего их?

АНТОНИО: Перьев. Они лежали рядами.

ВАЛЕРИО: Больше никто не пользуется перьями.

АНТОНИО: Почему?

ВАЛЕРИО: Потому что все теперь пишут шариковыми ручками. Дай послушать! (Он прибавляет громкости и смотрит новости. Антонио встаёт, берёт мяч и начинает ритмично стучать им о стену. Валерио поворачивается к нему.) Перестань стучать!

АНТОНИО: Возьми меня с собой в магазин. Я буду себя хорошо там вести, обещаю.

ВАЛЕРИО: (Раздражённо) Я не могу, ты можешь это понять? Я должен работать, заниматься покупателями. Как я могу это делать, если ты будешь рядом?

АНТОНИО: Ты меня стесняешься?

ВАЛЕРИО: С чего ты взял?

АНТОНИО: Думаешь, я не знаю? Ты думаешь, я ничего не понимаю?

ВАЛЕРИО: А если знаешь, хватит давить мне на большую мозоль! Оставь меня в покое!

АНТОНИО: Я хочу кушать.

ВАЛЕРИО: Ладно, давай ешь! (Он выключает телевизор, встаёт с кресла и выкладывает продукты из пакетов на стол) Вот - хлеб, ветчина, сыр, бананы, - ешь! (Замахивается на Антонио) Жри!

АНТОНИО: (Кричит) Мама, а папа меня бьёт!

ВАЛЕРИО: Господи, ты, Боже мой! (Он срывает с себя куртку и шляпу и швыряет их на пол)

АНТОНИО: Мамааа! Мамуляяя!

ВАЛЕРИО: (Кричит) Хватит!!!

АНТОНИО: Ты сам первый начал. Это ты виноват. (Смотрят друг на друга) Сам первый начал. (Он поёт, и стучит мячом об пол, отбивая ритм)
« Зайчики, ослики нас дружно встречают, все они тоже, как люди кончают»
(Хитро поглядывая на брата) А Элизабет завтра принесёт мне золотые запонки. Сама их выбрала. Если бы ты был моей мамой, я бы помог тебе накрыть на стол.

Валерио поднимает с пола куртку и шляпу, вешает их на место, и надевает юбку и седой парик.

ВАЛЕРИО: Антонио!

Антонио оборачивается и видит его переодетого мамой. Он улыбается.
Валерио корчит смешные рожицы и издаёт забавные звуки. Антонио смеётся, как ребёнок над клоуном.

ВАЛЕРИО: Иди, вымой руки, хороший мальчик.

АНТОНИО: Да, мамочка. (Он спешит в ванную и вытирает полотенцем руки, не помыв их. Валерио разворачивает на столе пакетики с едой, затем в поисках ножа идёт к буфету. Антонио бежит к стулу и садится.) Я первый. Ааааа! (Он открывает рот, в ожидании пищи.)

ВАЛЕРИО: Первый кусочек я тебе дам, а потом ты будешь кушать сам. (Он забрасывает кусочек хлеба с сыром в открытый рот Антонио. Тот с удовольствием жуёт)

АНТОНИО: Можно, я буду кушать руками?

ВАЛЕРИО: Сегодня можно. Я ничего не приготовила. (Он нарезает сыр маленькими квадратиками) Нарезаем сыр вот такими кусочками, накальваем на зубочистку, и... (Действиями комментирует слова)...забрасываем прямо в рот.

АНТОНИО: (Смеётся) Давай, теперь себе, мам.

ВАЛЕРИО: Я не хочу.

АНТОНИО: Ты никогда не хочешь кушать. Почему? (Валерио не отвечает) Почему, мамочка?

ВАЛЕРИО: Потому что, когда люди вырастают, они уже не бывают такими голодными. (Он раскрывает газету, шарит в кармане фартука в поисках очков, не найдя их, встаёт со стула и направляется к буфету. Бродя по всей гостиной, он, наконец-то, их находит, надевает, садится на своё место и начинает читать.)

АНТОНИО: А я люблю быть голодным. Аааммм! (Набивает полный рот и активно жуёт) Я, когда вырасту, всегда буду голодным. И Элизабет будет счастлива от этого. (Внезапно у него портится настроение) Я уже не видел её много лет. Может быть, она заболела? А может, пропала? (Он вздрагивает. Потом хватается тарелку обеими руками, представляя, что это руль машины, изображает звук двигающегося двигателя. Валерио, зная, чем это всё закончится, бросается к вешалке, на ходу срывая парик и юбку, и натягивает на себя свадебное платье и белый парик, пока Антонио, не замечая его, продолжает монолог) Где Элизабет, мам? Где моя прелестная блондинка? Осторожнее на повороте! Берегись! Смотри, куда едешь! Там стена! Тормози! Тормози же, господи, ты, Боже мой! Шарах! Бабах! Бубум! Будубум! (Он врезается лбом в тарелку, падает на пол, оставаясь в сидячем положении. Механически крутит головой) Где папа, а? Где мама, паа? Мам, где Элизабет? Здесь никого нет. Элизабет, ты где? Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать... (Он оборачивается и видит Валерио в свадебном платье, улыбающегося ему вымученной. Страдальческой улыбкой. Антонио радостно хохочет, подпрыгивая и хлопая в ладоши.)

Медленно уходит свет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ранний вечер. Антонио, развалившись в кресле, читает детский журнал Уолта Диснея. Валерио, сидя за столом, просматривает газету, время от времени, поглядывая на телефон. Он явно ждёт звонка. Антонио то и дело взрывается восторженным смехом, переворачивая очередную страницу.

ВАЛЕРИО: Хороший журнал?

АНТОНИО: Обалденный!

ВАЛЕРИО: Как называется?

АНТОНИО: «Дональд Дак отправляется в ад».

ВАЛЕРИО: Мать моя женщина! Крутизна-то какая!

АНТОНИО: Там дьявол хочет его зажарить. Но это не настоящий дьявол. А колченогий Пит, переодетый дьяволом.

ВАЛЕРИО: Ну и как, удачно?

АНТОНИО: Что удачно?

ВАЛЕРИО: Съел он его?

АНТОНИО: Откуда мне знать, если ты не даёшь мне дочитать.

ВАЛЕРИО: А, ну извини, извини. (Он возвращается к своей газете. АНТОНИО листает страницы всё быстрее и быстрее, и швыряет журнал через плечо)

АНТОНИО: Это, оказывается, был его сон, ночной кошмар, что ли. Что такое кошмар?

ВАЛЕРИО: Дурной сон. Сон, который пугает, даже после того, как проснёшься.

АНТОНИО: Почему?

ВАЛЕРИО: Потому что остаётся внутри тебя неутолимая боль. Это может длиться годами.

АНТОНИО: Дольше, чем час?

ВАЛЕРИО: Иногда, да.

АНТОНИО: Дольше недели?

ВАЛЕРИО: Это может продолжаться всю твою жизнь.

АНТОНИО: Прямо, как мой приговор.

Звонит телефон. Валерио бросается к трубке.

ВАЛЕРИО: Алло? Привет! Да, мы оба дома. Только собирался тебе позвонить...Нет, нет ещё. Я, вроде как, намекнул, да, я прямо сейчас ему скажу, какие проблемы-то? (Он смотрит на Антонио, который за ним внимательно наблюдает) Мы тоже хотим знать, как он себя чувствует, ладно?...Конечно, я тебе перезвоню...Нет, нет, мы же договорились. На субботу... О, почему нет?...Они, что, не могут послать кого-нибудь другого?. Вот, чёрт! Хорошо, давай тогда перенесём на воскресенье. Только не опаздывай. В десять, железно. Мы будем тебя ждать. Тогда, пока. Да, я ему всё скажу. Он будет счастлив. Всё, пока. (Он кладёт трубку, счастливо улыбается)

АНТОНИО: Кто это был?

ВАЛЕРИО: Марианна. Позвонила, пожелать доброго вечера. (Антонио подходит к бару, открывает бутылку джина. Содержимое бутылки с шипением вырывается из бутылки наружу. Валерио отнимает у него бутылку, бежит в ванную, возвращается с тряпкой, ползает по полу, вытирая пролитый джин. Моя невеста. Разве я тебе не говорил, что обручился? Ну, вот, так что... У меня есть девушка.

АНТОНИО: Я не хочу с ней встречаться.

ВАЛЕРИО: (Продолжая вытирать пол) Она собирается пожить с нами. Только на выходные. Даже нет...только в ...воскресенье, в субботу она не может. Ну, а дальше, посмотрим, как пойдёт. Это будет, вроде как испытание.

АНТОНИО: (Указывая на лужу, которую Валерио не заметил) Вот здесь ещё.

ВАЛЕРИО: А, да, да, конечно. Я наконец-то уговорил её. Знаешь, чего это стоило? Но мне удалось это. Вот увидишь, она тебе понравится. Вы станете большими друзьями. Ну, а если

ничего не получится...(Он разводит руками) что ж...А вот если всё будет хорошо, она потом ещё придет. На следующие выходные, потом ещё, а потом переедет, насовсем. Здорово было бы, а? Ту-туу! (Он изображает свисток паровоза)

АНТОНИО: (Мрачно) Тю-тюю.

ВАЛЕРИО: (Ставит бутылку на место, относит тряпку в ванную и моет руки) У нас большая квартира,...и я уже в том возрасте, когда ...если подождать ещё немного,...не так то просто будет, как ты сам понимаешь, в наше время найти себе жену. Проще уж будет подыскать мужа! (Натянуто смеётся. Антонио подбегает к террасе, отворачивается лицом к стене и рыдает.) Она составит тебе прекрасную компанию, будет всё время с тобой дома, вот увидишь, у неё своё агентство,...понимаешь, ну, в котором она работает, и, представляешь, ей приходится ездить по работе в разные места, продавать дома, квартиры, ничего себе, да? Потрясающая жизнь! Всё время в разъездах, она будет брать тебя с собой, у меня же никогда на это нет времени... (Он встаёт рядом с братом, глядя его по плечу) Какое красивое имя, а, Марианна? Счастливое имя. Она прекрасная девушка. И я, конечно, буду здесь, с тобой, и всё будет нормально,...и всё останется по-прежнему...у тебя останется твоя железная дорога, мячик, ничего не изменится, всё останется, как есть, только теперь ты будешь расти в семье. Ты же хотел найти себе пару, а вместо этого у тебя будет маленькая сестрёнка. Даже лучше, да? Гораздо лучше! (Антонио дёргает плечом, сбрасывая руку брата) Ну, в чём дело?

АНТОНИО: (С угрозой распустить нюни) Неправда, я не верю, что это лучше.

ВАЛЕРИО: (Быстро направляется к вешалке и начинает переодеваться в маму) Ты сразу станешь счастливым, как только увидишь Марианну.

АНТОНИО: Врун!

ВАЛЕРИО: Ты увидишь, как она будет к тебе хорошо относиться. Марианна - прелесть. Она - умница! И, я совсем забыл тебе сказать, она потрясающе готовит. Она такие булочки печёт, мои по сравнению с ними - ничто.

АНТОНИО: (Выходит с террасы и видит перед собой Валерио, переодетого мамой. Со счастливой улыбкой.) Привет, мам.

ВАЛЕРИО: Здравствуй, золотце моё.

АНТОНИО: Ты знаешь Марианну, мамочка?

ВАЛЕРИО: (Вытирая его слёзы) Она хорошая девушка.

АНТОНИО: Я боюсь.

ВАЛЕРИО: У тебя нет причины бояться. (Приводит в порядок его одежду и поправляет ему бабочку.)

АНТОНИО: Марианна заведёт все часы. И я буду слышать, как они тикают в каждой комнате. У меня начнёт расти борода...и выпадать волосы. Тик-так...тик-так...она ведь заведёт все часы? Если ты моя мама, ты знаешь, что ответить.

ВАЛЕРИО: Хочешь, я почитаю тебе «Сказку о потерянном времени»?

АНТОНИО: (С энтузиазмом) Давай! Пожалуйста! (Он достаёт из комода книгу и подаёт её Валерио)

ВАЛЕРИО: Ты помнишь, в чём там мораль? Только взрослые люди должны бояться времени. А детям бояться нечего. (Он усаживается в левое кресло и надевает очки. Антонио

устраивается у него в ногах.)

АНТОНИО: Время носит скрипучие ботинки. Иногда ночью я слышу, как оно ходит туда сюда по коридору.

ВАЛЕРИО: Мы попросим, чтобы оно ходило босиком. (Он открывает книгу, находит нужную страницу и начинает читать) «Дети - друзья времени. Когда они его встречают, то радостно приветствуют и начинают с ним играть. Время играет с ними в догонялки, и самые резвые даже пытаются его обогнать. А оно только смеётся, разрешая делать всё, что им захочется, а иногда дарит им сладости. Но когда дети становятся старше, они начинают с подозрением относиться ко времени, у них появляются от него секреты, некоторые даже делают вид, что не знакомы с ним. Когда оно спрашивает у кого-нибудь из них верную дорогу, они посылают его в другую сторону. Они уже больше не относятся к нему, как к своему лучшему другу, они стали его самыми злейшими врагами. А время не понимает, почему это случилось, ведь оно нисколько не изменилось. Время никогда не изменяется. Оно по-прежнему хочет развлекать их. Но с тех пор, как они стали взрослыми, спешащими по своим делам, занятыми людьми, они уже не замечают, когда оно подаёт им свои тайные знаки остановиться: камешек в ботинке, или падающая с неба звезда, или голубь, капающий прямо...

АНТОНИО: (Смеясь) Им на голову?

ВАЛЕРИО: (Тоже смеясь) Да, прямо им на голову. Но они не понимают этих намёков, и вместо того, чтобы остановиться на минутку и задуматься, начинают суетиться ещё больше, чертыхаясь и проклиная всё на свете. Мы говорим, «время летит», но это абсолютно неверно. Оно остаётся неподвижным. Это мы никогда не сможем остановиться. (Он закрывает книгу)

АНТОНИО: А почему же я тогда слышу его ботинки?

ВАЛЕРИО: Книга об этом умалчивает. Возможно, это потому что время ещё не определило, кто ты... может ли оно тебе доверять. И не будучи в тебе до конца уверенным, бродит туда сюда по коридору. Я думаю, оно чуть-чуть растерялось, бедолага.

АНТОНИО: Когда Марианна придёт, что мы ей скажем?

ВАЛЕРИО: Чтобы не трогала часы.

АНТОНИО: Марианна - блондинка?

ВАЛЕРИО: (Снимая очки, нежно с гордостью) Марианна - брюнетка.

АНТОНИО: Она выйдет замуж за моего брата?

ВАЛЕРИО: (Глядя в даль, с улыбкой) Это было бы прекрасно.

АНТОНИО: Насколько я старше Марианны?

ВАЛЕРИО: Насколько хочешь.

АНТОНИО: На тысячу свечек, нормально?

ВАЛЕРИО: Отлично.

АНТОНИО: Только не говори ей, что я писаюсь в штаны.

ВАЛЕРИО: Обещаю.

АНТОНИО: Нет, поклянись.

ВАЛЕРИО: Клянусь.

АНТОНИО: Нет, давай вместе. (Он вытягивает его из кресла. Они встают друг против друга, держась за руки, очень серьёзно) «Братской кровью я клянусь, и вечной клятвой будет пусть. А если я совру, то завтра я умру!»

Повторяют это снова и снова, пока не уходит свет.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ.

Поздний вечер. Валерио смотрит по телевизору бокс, громкость убрана до минимума. Антонио в пижаме появляется в арке. Он в подгузнике, в руках у него носовой платок. Какое-то время он наблюдает за Валерио, затем подходит к нему, встаёт за креслом и громко сморкается. Валерио вздрагивает и оборачивается.

АНТОНИО: У меня насморк, я не могу заснуть. (Валерио молча поворачивается к телевизору) Мне нужно закапать в нос.

ВАЛЕРИО: (Не отрываясь от телевизора, раздражённо) О, Господи!

АНТОНИО: Пожалуйста, дай мне капли для носа. (Валерио встаёт с кресла, идёт в ванную, при этом старается не пропустить происходящего на ринге, возвращается с маленьким пузырьком и отдаёт его Антонио)

ВАЛЕРИО: На, возьми. (Снова садится в кресло)

АНТОНИО: Ты можешь мне их закапать?

ВАЛЕРИО: Ты сам умеешь.

АНТОНИО: Сам я всегда промахиваюсь. (С нескрываемым раздражением Валерио снова встаёт с кресла и забирает у него пузырёк)

ВАЛЕРИО: Сядь в кресло. (Антонио разваливается в кресле, кладёт голову на один подлокотник, забрасывает ноги на другой) Запрокинь голову дальше...(Стараясь ничего не пропустить в поединке, вливает капли в нос Антонио)

АНТОНИО: Они попали мне прямо в горло!

ВАЛЕРИО: (Быстро относит пузырёк в ванную) Ничего страшного. Теперь иди спать.

АНТОНИО: Мне не спится.

ВАЛЕРИО: А ты досчитай до ста. Потом возвращайся обратно: девяносто девять, девяносто восемь, девяносто семь...

АНТОНИО: (Развалившись в кресле) Девяносто шесть, девяносто пять, девяносто четыре...

ВАЛЕРИО: Не здесь, в постели. (Он ставит Антонио на ноги и снова садится)

АНТОНИО: (Во весь голос считает, направляясь по коридору в свою спальню) Девяносто три, девяносто два, девяносто один....

ВАЛЕРИО: Тише ты! Разбудишь весь дом. Хочешь, чтобы у нас возникли проблемы с соседями? (Почти самому себе, не отрываясь от экрана) Доиграешься, что на нас начнут

жалобы писать. (В голосе комментатора слышится волнение: « По-моему, всё-таки был нокдаун, какой поединок, непрерывные атаки продолжаются...»). Антонио возвращается и деликатно шмыгает носом)

АНТОНИО: Я хочу умереть. Если бы я только мог.

ВАЛЕРИО: (Выключая телевизор) Это ещё что такое?

АНТОНИО: Я сейчас возвращаюсь в постель, но я тебя предупредил. (Направляется в спальню, продолжая бурчать себе под нос) Сорок девять, сорок восемь, сорок семь... (Валерио какое-то время сидит в нерешительности, затем встаёт из кресла и идёт за ним.)

ВАЛЕРИО: Антонио...эй, Тони... (Стучит в дверь спальни) (Из коридора) Ты себя хорошо чувствуешь? (Ответа нет. Валерио стучит в дверь громче) Антонио!

АНТОНИО: (Из спальни сонным голосом) Я пытаюсь заснуть, а ты мне не даёшь. Дошёл уже до одиннадцати, теперь придётся начинать всё с начала. (Валерио возвращается в гостиную, он совершенно измучен. Садится в кресло и снова включает телевизор. Тут же появляется Антонио) Почему взрослые всегда издеваются над бедными детьми? Может хватит уже? Когда-нибудь вы оставите нас в покое? (Валерио сдерживается из последних сил) Ты подумал, что я покончил с собой, что ли? На, смотри! У меня всё отлично! (Скачет на одной ноге, как балерина) Понедельник, вторник, среда, суббота, воскресенье. И вот так ещё. Смотри! (Прыгает в другое кресло, задирает ноги, принимая невероятные позы) Понедельник, вторник, среда, суббота, воскресенье. Понял? Какие мы, детки все ловкие. Сам попробуй, у тебя так получится? И у Марианны тоже не получится. Бедная малышка! Бедненькая, маленькая Марианнакакушка! Раз, два, три, четыре...(Он исчезает в коридоре. Валерио сидит неподвижно. Через какое-то время Антонио появляется снова) Когда я умру, зазвонят все колокола. Так что, пока ты их не услышал, ты можешь продолжать смотреть свой телек. Доволен? (Считает) Двадцать один, двадцать два, двадцать три...(Исчезает в коридоре. Валерио встаёт с кресла и решительно направляется к вешалке. Там он переодевается в отца. (Куртка и шляпа) Затем идёт в сторону спальни Антонио. Слышен страшный грохот, шлепки и крики, в гостиную вбегают Антонио, пытаюсь защититься от ударов брата, которые на него сыплются со всех сторон) Папа, нет, не надо, пожалуйста!

ВАЛЕРИО: Ты хочешь умереть, да?! Тогда я сам тебя сейчас прикончу, поганка, гнилая!

АНТОНИО: (Приседает, защищаясь) Папочка, не надо так говорить.

ВАЛЕРИО: Да, я твой папочка, ты не забыл? (Поднимает его за волосы) Кто я? Я тебе кто? Посмотри на шляпу! Так, кто я?

АНТОНИО: Ты мой папа, ты мой папочка. (Валерио бросает его в кресло, заламывает руку за спину и методично лупит его шляпой)

ВАЛЕРИО: Твой отец не то, что твой брат. Я не буду с тобой церемониться, как он. Я не такой идиот. Я не такой ссыкун, как он. Самоедливый, совестливый ссыкун! Давно бы уже мог от тебя избавиться, упрятать вон в психушку, но не делает этого, я бы давно это сделал, на его месте, нашёл бы на тебя управу. И если он сам этого не может, я-то уж смогу, можешь мне поверить! Слышишь меня? Ты меня слышишь? Отвечай!

АНТОНИО: Слышу.

ВАЛЕРИО: (Продолжая лупить его) Слышу, папочка!

АНТОНИО: Слышу, папочка. (Валерио отпускает его и тяжело дыша присаживается на

подлокотник кресла. Антонио всхлипывает)

ВАЛЕРИО: Не было там никакой ошибки, твоему брату просто не повезло, в этом всё дело, он ехал очень осторожно, моросил мелкий дождик, Елизабет смеялась, я тоже, смешно же, мокрая невеста, везучая невеста, и вдруг этот красный мотоцикл в одну секунду прямо перед нами, неизвестно откуда! Я затормозил, неправда, что я не тормозил, будь я проклят, если это не так! Нас занесло, а там была стена, прямо здесь, вот здесь! (Он вскакивает с подлокотника и показывает, как всё было, то, что он никогда не забудет.)

АНТОНИО: (Завывает, как на похоронах) О-у-у-у-о-х! А-а-а-а! Ы-ы-у-у-а!

ВАЛЕРИО: Да, заткнись, ты, слышишь?! Твой брат носился там, как сумасшедший, останавливал машины, кричал, зывал о помощи, что он должен был ещё сделать? Что он мог сделать, если Елизабет была уже почти мертва, у неё остановилось сердце, я сказал: “Делайте массаж сердца”, - и они делали массаж, вот так, (показывает, как делается массаж), вот так, вот так, вот так, но пульса всё равно не было, оно остановилось, понимаешь, остановилось насовсем, кранты! А когда я вышел от неё из реанимации, мне сказали, что папа тоже умер, наш бедный старый дружище. В этой суматохе, я совсем о нём забыл, и он умер один, совсем один. Меня спрашивают: “ Это ваш родственник?” - “Да”,- говорю, - “он мой родственник, а она, нет, не успела, часа всего не хватило, одного только часика, чтобы стать моей невесткой, я как раз в церковь её вёз, венчаться, она жила километрах в двух отсюда, сам говорю, а в голове вертится, какая жуткая примета, - кровь на её подвенечном платье, надо будет срочно отдать его в химчистку, а то кровавые пятна плохо отстирываются. (Антонио тяжело вздыхает) Разве я виноват, что меня тогда даже не поцарапало? Нет в этом вины твоего брата, и перестань отравлять ему жизнь, он хороший парень, твой братишка, давай говори, что он хороший, ты же сам знаешь, что это так.

АНТОНИО: Он хороший...(Валерио еле передвигая ноги идёт к вешалке и снимает шляпу)...Мамочка, ты можешь отвести меня в постельку?

ВАЛЕРИО: (Снова надевая шляпу) Давай, папочка тебя отведёт?

АНТОНИО: Нет, я хочу, чтобы мамочка.

ВАЛЕРИО: Тогда давай договоримся, что ты сразу заснёшь, договорились?

АНТОНИО: Договорились. (Валерио жестом показывает ему, чтобы он не подсматривал. Антонио отворачивается, пока его брат переодевается в маму.) Но я никогда не позволю Марианне провожать меня в кроватку.

ВАЛЕРИО: Почему?

АНТОНИО: Потому что она увидит мой петушок. Она скажет:” А теперь надевай свою пижаму”, - а сама будет смотреть на мой петушок.

ВАЛЕРИО: А ты ей скажешь: “Отвернись, пожалуйста”.

АНТОНИО: Ага, а она отвернётся, а краем глаза всё равно увидит, а потом ещё рукой вот так сделает. (Он вытягивает руку за спиной, подбирая пальцами к Валерио)

ВАЛЕРИО: Хорошо, я скажу Марианне, чтобы она не провожала тебя в постель. По крайней мере первое время.

АНТОНИО: Нет. Никогда.

ВАЛЕРИО: Хорошо. Никогда. Ладно, иди в постель.

АНТОНИО: (Не глядя на него) Ты моя мама?

ВАЛЕРИО: Да.

АНТОНИО: Папа не спрашивал меня сегодня, сколько будет семью семь.

ВАЛЕРИО: Папа устал.

АНТОНИО: Я больше его устал отвечать на этот вопрос. Трудно ему было спросить что ли?

ВАЛЕРИО: Он, наверно, забыл. Хочешь, я тебя спрошу?

АНТОНИО: Нет. Ты погладь меня по головке. (Валерио исполняет его пожелание.) Ночью наш Шишел пошёл погулять, звонко тарелку разбил он опять.

ВАЛЕРИО: (Улыбается) Ничего страшного, я заклею. Всё, спокойной ночи.

АНТОНИО: Спокойной ночи. (Делает несколько шагов в сторону своей спальни, затем останавливается.) Ты знаешь, почему звонят колокола?

ВАЛЕРИО: Потому что праздник отмечают, или во время пожара.

АНТОНИО: Нет. Потому что повешенные раскачиваются на ветру.

ВАЛЕРИО: Господи! Откуда ты берёшь такую чепуху?

АНТОНИО: Глубже покопай в земле, явится тебе во сне. (Исчезает в коридоре) Спокойной ночи, мамочка.

ВАЛЕРИО: Ты сам ляжешь в постель? (Он достаёт из комода металлическую подставку с четырьмя маленькими голубыми свечками. Зажигает свечи.)

АНТОНИО: (Из своей спальни) Да. А ты считай до ста.

ВАЛЕРИО: Дверь закрыть, или оставить открытой?

АНТОНИО: (Из спальни) Оставь открытой.

ВАЛЕРИО: Со свечами будешь?

АНТОНИО: (Из спальни) Да, со свечами.

ВАЛЕРИО: (Идёт по коридору со свечами, направляясь в спальню Антонио.) Один, два, три, четыре, пять...(Свет постепенно уходит, какое-то время сцена освещается только дрожащим светом свечей.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Воскресное утро. По радио передают концерт духовной музыки, в исполнении хора мальчиков. Валерио переодетый “мамой” поспешно прибирает гостиную. Он собирает с пола игрушки и складывает их в большой пластиковый мешок. Входит Антонио в пижаме, через большой игрушечный военный бинокль он обозревает помещение. Валерио поднимает с пола мяч и бросает его в Антонио, Антонио ловит мяч.

ВАЛЕРИО: Отнеси его в свою комнату.

АНТОНИО: А мой брат сказал, что всё останется, как было.

ВАЛЕРИО: Так оно и будет. Это просто, чтобы произвести первое благоприятное впечатление. Иди, отнеси его, будь умницей.

АНТОНИО: (Показывая на мешок) Их тоже?

ВАЛЕРИО: Да, их тоже. Только сегодня. Потом всё будет, как прежде. Подожди, вот ещё один. (Берёт оловянного солдата с телевизора.)

АНТОНИО: Это часовой, он на посту. Если ты его снимешь, некому будет подать тревогу.

ВАЛЕРИО: (Ставит солдата на место) Ладно, пусть остаётся, смотри, я правильно его поставил?

АНТОНИО: (Смотрит в бинокль) Правильно, только разверни его чуть-чуть на северо-запад.

ВАЛЕРИО: (Чуть-чуть повернул солдата) Вот так?

АНТОНИО: Всё. Стоп. Теперь отлично. (Осматривая в бинокль пространство гостиной) Атака начнётся оттуда.

ВАЛЕРИО: У тебя точные данные?

АНТОНИО: Точнее не бывает. (Опуская окуляры бинокля вниз) Но нас пощадят...я имею в виду, женщин и детей. (Идёт с мячом в свою комнату.)

ВАЛЕРИО: (Поднимает с пола последнюю игрушку и кладёт её в мешок) Антонио!

АНТОНИО: (Возвращаясь) Да, мамочка.

ВАЛЕРИО: (Отдавая ему мешок) Это тоже унеси. Давай, поторопись. (Антонио бежит в свою комнату, и вдруг останавливается.) Ну, в чём дело?

АНТОНИО: (Показывая на радио) Мамочка никогда не слушает такую музыку. (Уходит)

Валерио подходит к радиоприёмнику, крутит ручкой настройки, ловит станцию,

которая ему кажется интересной, и снова принимается за уборку. (Берёт веник и подметает пол.) Голос из радиоприёмника: «Нил: мифы, легенды и наводнения. Глава пятьдесят восьмая». Валерио бежит к приёмнику и снова крутит ручку настройки. Женский голос из приёмника: « Маленькая Бетти поздравляет своих бабушку и дедушку с золотой годовщиной их свадьбы и желает им крепкого здоровья счастья и долгих лет жизни». Он удовлетворённо кивает, берёт веник и продолжает подметать пол, в конце концов, исчезая на кухне. Антонио возвращается, в руках у него три оловянных солдата. Он ставит одного из них, который стреляет из положения лёжа, на комод, другого, который стреляет с колена, на радиоприёмник, и третьего, стреляющего из положения стоя на стол. Их винтовки направлены в центр гостиной. Из кухни выходит озабоченный Валерио, солдатиков он не замечает.

ВАЛЕРИО: Убрал игрушки?

АНТОНИО: Да.

ВАЛЕРИО: Постель заправил? Сегодня воскресенье, твоя очередь.

АНТОНИО: Сейчас пойду, заправлю.

ВАЛЕРИО: Давай, быстрее! (Идёт в ванную комнату. Видно, как он моет раковину)

АНТОНИО: Мамочка, а где Валерио?

ВАЛЕРИО: (Возвращается и поднимая с пола две бутылки) Где-то здесь.

АНТОНИО: Где - здесь?

ВАЛЕРИО: Я не знаю, наверно, в какой-нибудь комнате.

АНТОНИО: Я заглянул во все комнаты, его нигде нет.

ВАЛЕРИО: Значит, вышел куда-то на минуту.

АНТОНИО: Часовой бы его заметил.

ВАЛЕРИО: Ну, тогда не знаю. Ты что-то хотел ему сказать? (Несёт бутылки на кухню.)

АНТОНИО: Марианна приедет с минуты на минуту. Может быть он и забыл, я – нет.

ВАЛЕРИО: (Из кухни) Не думаю, что он мог забыть.

АНТОНИО: Ты так не думаешь, потому что совсем его не знаешь.

ВАЛЕРИО: (Из кухни) Ах, вот оно, что? Значит, я его совсем не знаю, да?

АНТОНИО: Вы, родители, думаете, что знаете своих детей! А ты знаешь, что Валерио ковыряет в носу?

ВАЛЕРИО: (Появляясь из кухни) Когда это он ковырял!?

АНТОНИО: Когда какает, он всегда ковыряется в носу. Я сам видел в замочную скважину, сидит на унитазе и ковыряет в носу.

ВАЛЕРИО: Я ушам своим не верю! Как ты можешь себя так плохо вести? Вы только подумайте, он подсматривает в замочную скважину!

АНТОНИО: Когда раньше там торчали ключи, я не мог ничего увидеть, но их теперь там больше нет. И всё равно, тот, кто ковыряется в носу, плохо себя ведёт, а я просто смотрел. Что ещё остаётся делать, когда сидишь целый день один взаперти, а, мамочка?

ВАЛЕРИО: Что? Постель мог бы за собой убирать.

АНТОНИО: Когда я вырасту, уеду от вас от всех. Буду путешествовать, смотреть на мир. Я хочу быть богатым и жадным. Мамочка!

ВАЛЕРИО: Что?

АНТОНИО: Я пришлю тебе какую-нибудь редкую открытку.

ВАЛЕРИО: Большое спасибо.

АНТОНИО: Мамочка.

ВАЛЕРИО: Да?

АНТОНИО: Кого ты больше любишь, меня или Валерио.

ВАЛЕРИО: Я вас обоих люблю одинаково.

АНТОНИО: Неправда. Все родители втайне кого-то любят больше.

ВАЛЕРИО: А я нет.

АНТОНИО: Значит, ты - исключение из правил. (Идёт по коридору налево. Валерио подходит к вешалке и, пока Антонио продолжает разговаривать, снимает с себя юбку и парик) (Из коридора) Ладно, я не скажу Марианне, что Валерио ковыряет в носу. (Валерио идёт в ванную и приводит там себя в порядок.) Пусть сама это увидит. Жёны ведь тоже любят подглядывать в замочную скважину.

Слышен дверной звонок. Валерио возвращается в гостиную, выключает радиоприёмник и бежит открывать входную дверь. Антонио тоже входит в гостиную, включает железную дорогу, ложится на пол и кладёт голову на рельсы, как самоубийца. От входной двери доносятся приветствия. Бегущий по рельсам поезд врезается в шею Антонио. Он издаёт слабый стон. С дорожной сумкой в руках появляется Валерио.

ВАЛЕРИО: Входи, входи...(Идёт назад в коридор) Я только отнесу твою сумку в спальню и вернусь.

В гостиную входит Марианна. Нельзя сказать, что она красавица, но мужчины находят её очень привлекательной. Её тёмные волосы коротко подстрижены, над лбом - чёлка. Толстые линзы очков указывают на её слабое зрение. На ней плотно облегающий серый костюм, который чуть-чуть стесняет её чувственную

манеру двигаться. Она с тайным любопытством осматривает гостиную. Наткнувшись взглядом на Антонио, она вскрикивает и вполголоса зовёт Валерио:

МАРИАННА: Валерио! Валерио!

ВАЛЕРИО: (Поспешно возвращается) Да? (Марианна показывает на распростёртое на полу тело Антонио. Валерио пытается скрыть своё смущение.) А! Он уже здесь, отлично...я-то думал, что он ещё у себя...(показывает рукой в сторону коридора) Ну, и... замечательно, прямо сразу и познакомитесь...(Подходит к Антонио) Антонио...Тони, старина, ну-ка, давай, поздоровайся с Марианной...

Антонио не двигается и не отвечает. Валерио жестом показывает Марианне, чтобы она подошла поближе и что-нибудь сказала.

МАРИАННА: Доброе утро, Тони. Ты не хочешь со мной поздороваться? (Она делает шаг к нему. Антонио резко садится.)

АНТОНИО: Стой, где стоишь! Не двигаться! (Он поворачивается к ним спиной, достаёт из камана маленькое зеркальце, и, как через перескоп изучает Марианну, которая замерла в ужасе, беспомощно глядя на Валерио, не зная, что делать. Валерио жестами пытается ей показать, что ничего страшного нет, и чтобы она относилась ко всему происходящему с юмором.) Почему у тебя такая ужасная стрижка? (Валерио пытается перевести всё в шутку.) Она тебе не идёт совсем, тебе больше пошли бы длинные волосы, может быть, с волной вот здесь...(показывает ниспадающую на одну половину лица прядь, как у Вероники Лейк), но, во всяком случае, они должны быть длиннее, гораздо длиннее, как тебя угораздило...ну-ка, ну-ка, подожди-ка, повернись-ка спиной. (Марианна колеблется) Давай, повернись кругом. (Валерио показывает ей, чтобы она подчинилась, и Марианна покорно исполняет приказ) Ну, конечно, с длинными волосами было бы лучше, посмотри, видишь, я был прав! И с этим жакетом лучше бы смотрелось, гораздо лучше! Давай-ка, потряси волосами. Ну, давай, потряси! (Марианна трясёт головой) Теперь, поняла? Ничего не колышется! Полный паралич! Волосы даны, чтобы они струились, собирались в отдельные потоки, развевались на ветру, как паруса. (Марианна пытается повернуться назад) Стой! Не двигайся! Никогда больше не стриги их! Поняла? Никогда! Никогда! Никогда!

МАРИАННА: Они у меня даже длиннее, чем должны быть. Я, в общем-то, собиралась в парикмахерскую во вторник.

АНТОНИО: Ты не пойдёшь.

ВАЛЕРИО: Если мне позволят вставить слово...знаешь...мне Марианна нравится такой, как она есть и я вовсе не хочу, чтобы...

МАРИАННА: Я спокойно могу отменить свой визит в парикмахерскую, если это доставит удовольствие Тони.

АНТОНИО: (Всё ещё рассматривая её в зеркальце) Антонио, если не возражаете.

МАРИАННА: Прошу прощения.

АНТОНИО: Блондинка.

МАРИАННА: Что?

АНТОНИО: Ты должна перекраситься в блондинку.

ВАЛЕРИО: Э-э-э, нет! Она...об этом речи быть не может.

МАРИАННА: Мне не идёт, я однажды уже пробовала.

АНТОНИО: В один прекрасный день, ты мне за это скажешь спасибо.

ВАЛЕРИО: Она, что, прямо сейчас должна это сделать?

МАРИАННА: А если я откажусь?

АНТОНИО: (Вскакивая на ноги, и пряча в карман зеркальце) Ты не сможешь. (Он впервые смотрит ей в глаза) Вы окружены. (Марианна и Валерио обмениваются недоумёнными взглядами. Антонио медленно проводит своим указательным пальцем воображаемую линию между винтовкой солдата, стоящего на радиоприёмнике, и грудью Марианны. То же самое он делает и с двумя другими солдатами.) Если попытаешься бежать, часовой поднимет тревогу. (Он показывает на солдата, стоящего на телевизоре) Сдаёшься?

МАРИАННА: Хорошо, я сдаюсь.

АНТОНИО: Станешь блондинкой?

МАРИАННА: Другого выхода я не вижу.

АНТОНИО: Правильно, что не видишь, его у тебя нет. (Он достаёт воображаемые пистолеты и направляет их на Марианну) Руки вверх, Блонда! (Марианна поднимает руки, Антонио приказывает брату сделать тоже самое. Валерио, скрепя сердце, подчиняется.)

МАРИАННА: Поздравляю, удачная засада получилась. Отличная работа!

АНТОНИО: Спасибо. Возраст?

МАРИАННА: Женщин не спрашивают об этом.

АНТОНИО: Пардон. Имя.

МАРИАННА: Я думала, ты знаешь.

АНТОНИО: Силь ву пле.

МАРИАННА: Марианна.

АНТОНИО: Точно. Заключённая Марианна.

МАРИАННА: Надолго я заключена?

АНТОНИО: Может быть навсегда.

МАРИАННА: Это называется - пожизненное заключение.

АНТОНИО: Нет. Это называется кошмаром. (Он вращает воображаемые пистолеты и отправляет их на место - в воображаемую кобуру. Они все застывают, Валерио и Марианна всё ещё с поднятыми руками)

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Воскресный вечер. Действие происходит поздней осенью, поэтому за окном уже темно. По радио транслируется футбольный матч. Марианна в ванной комнате, мы видим её силуэт. Валерио идёт от входной двери, держа в руках букет. Он кладёт его на стол, прислушивается к тому, что происходит на футбольном поле, идёт к комоду, достаёт оттуда вазу, и направляется в ванную как раз в тот самый момент, когда оттуда выходит Марианна. Они почти сталкиваются друг с другом в дверях.

ВАЛЕРИО: Оп-ля! (Они смеются. На Марианне юбка и жёлтый свитер поверх цветастой майки.

МАРИАННА: (Проходясь перед ним) Ну, как я тебе? Челюсть отпадает?

ВАЛЕРИО: (Восхищённо присвистывая) Обалдеть! Шикарно!

МАРИАННА: Ну, насчёт шика не знаю, (оттягивая свитер) но свитерок прелестный, ты не находишь?

ВАЛЕРИО: Да, изумительный! Чудо! (Идёт в ванную и наливает воду в вазу.)

МАРИАННА: Будем надеяться, ему тоже понравится. Ему не так-то просто угодить.

ВАЛЕРИО: Да, кстати, насчёт твоих волос, даже и думать не смей перекрашиваться.

МАРИАННА: (Усаживаясь на подлокотник правого кресла, и сбрызгивая себя духами) Ну, не знаю, я вобщем-то могла бы.

ВАЛЕРИО: (Ставит вазу на стол и бережно расставляет в ней цветы) Слушай, это бред. Стоит только раз ему подчиниться, он тебе на голову сядет, ты его ещё не знаешь. И, потом, вообще, ты мне тёмненькой больше нравишься.

МАРИАННА: Да, это не навсегда же.

ВАЛЕРИО: Всё, даже слышать не хочу об этом!

МАРИАННА: Это чтобы его как-то успокоить, показать, что его мнение для меня что-то значит.

ВАЛЕРИО: Я думаю, и моё мнение для тебя что-то значит. (Подходит к ней) Ладно, давай

подождём денька два...посмотрим, как пойдёт...как он будет себя вести.

МАРИАННА: Я уже и сейчас вижу, что будет нелегко.

ВАЛЕРИО: Да, нелегко, очень даже нелегко. Я тебя предупреждал. (Гладит её по волосам)

МАРИАННА: (Обильно поливая его духами) Впрочем-то, когда ты мне про него рассказывал, ты немного не так говорил.

ВАЛЕРИО: Как это? Я тебе сразу сказал, что он умственно отсталый, что...э-э-э, кончай, всё, хорош! От меня будет нести, как от проститутки, на меня очередь сейчас выстроится!

Антонио, оставаясь ими незамеченным, стоит в коридоре и подслушивает.

МАРИАННА: Ты сказал, что он, как беззащитный ребёнок.

ВАЛЕРИО: Точно! Он такой и есть. Сама потом в этом убедишься.

МАРИАННА: Он мне не кажется таким уж беззащитным, и уж тем более ребёнком. Он так на тебя смотрел...

ВАЛЕРИО: Он ненормальный, понимаешь, в этом-то всё и дело...

Он наклоняется, чтобы поцеловать Марианну. Антонио что есть силы дёргает за провод, идущий от розетки под радиоприёмником. Сцена погружается в темноту, радио замолкает. В комнату сквозь окна проникает свет уличных фонарей.

МАРИАННА: Что случилось? Свет отключили? (Из коридора доносится подлое хихиканье Антонио)

ВАЛЕРИО: Да, нет. Догадайся, чьих это рук дело! (Он направляется к комоду, находит там фонарик, включает его и поднимает с пола провод) Видишь? Какой он трогательный.

МАРИАННА: Да, десять лет, это большой срок.

ВАЛЕРИО: Одиннадцать лет, одиннадцать, не хочешь!

МАРИАННА: Ты прямо здесь, как заключённый.

ВАЛЕРИО: Это точно. (Он встаёт на колени, кладёт фонарик на кипу бумаг и шарит в поисках электровилки под радиоприёмником)

МАРИАННА: Что-то сломалось?

ВАЛЕРИО: Провод вылетел из вилки, секундное дело. Подержи пока я сделаю вот это, тебе не тяжело? И вот это? (Он протягивает ей стопку бумаг) Спасибо. (Чинит вилку) Сначала я думал, что вообще умом двинусь. Доктора. сиделки, бесконечные счета. Потом мама. Она плакала не останавливаясь...Тони...мой мальчик Тони...о нём только и думала, больше ни о ком. Потому что я-то остался цел-невредим, понимаешь? Порой я думал тогда, что кого-то из нас надо упрятать в психушку, или их обоих, или меня. Но человек ко всему привыкает. Ой!

МАРИАННА: Поранился?

ВАЛЕРИО: Отвёртка сорвалась. (Сосёт палец) Ладно, фигня всё это. Знаешь, я никому никогда не говорил, но когда через два года мама умерла, я почувствовал облегчение. У неё обнаружили опухоль, и через четыре месяца её не стало. (Возвращается к работе.)

МАРИАННА: Рак?

ВАЛЕРИО: Да, спинного мозга, потом пошли метастазы повсюду и - фук! Она даже не сопротивлялась. Я думаю, она сама хотела поскорее умереть. По-моему, тоже была уже не в себе...муж умер, сын чокнулся...сама понимаешь, что она тогда могла чувствовать, бедная моя мамочка...перестала причёсываться, ходила в одном и том же месяцами, знаешь шаркает целыми днями по дому своими шлёпанцами, туда сюда...А-а-а! Вот и готово. Выключатели и розетки это моя специализация. Я, можно сказать, в этом эксперт. Ладно, что это мы с тобой всё о грустном, да о грустном, хватит говорить о ней, теперь у меня есть ты. Как бы я хотел встретиться с тобой раньше.

Он втыкает вилку в розетку: снова зажигается свет и играет радио, каким-то невероятным образом включается так же железная дорога, и паровозик бежит по рельсам по кругу. Марианна хлопает в ладоши, Валерио бежит выключить свет в ванной, потом уменьшает громкость приёмника и наклоняется, чтобы остановить поезд. Из этого положения вдруг восхищённо смотрит на Марианну.

МАРИАННА: Что ты так на меня смотришь?

ВАЛЕРИО: Знаешь, ты, правда очень красивая. Раньше, когда я думал о женщине, с которой мог бы создать семью, я представлял себе кого-то, очень похожего на тебя. А тогда говорил: "Да, ладно, пусть всё остаётся, как есть!" И вот годы шли, начали выпадать волосы...это у нас наследственное, и у папы и у Тони тоже самое...папа всегда носил шляпу, даже дома её не снимал. А я всё шутил: "Вот увидите, мы так и помрём старыми холостяками!" На самом деле меня это беспокоило, потому что...ну, вот скажем, эта квартира, кому она потом достанется? У нас ведь ни родственников, никого нет. Потом наш несчастный магазинчик, столько в него вложено труда...я ведь его полностью переоборудовал...установил два ксерокса. Если были бы дети, понятно, для кого это всё. Но Тони...в общем, там полная безнадёга...(Он встаёт и подходит к комоду) Кстати, постельное бельё, полотенца и тому подобное вот здесь...(Открывает и закрывает дверки комода) и ещё здесь...(выдвигая ящики) всё вперемешку...(Он смущённо улыбается, как бы извиняясь за беспорядок) Но скоро мы тут наведём чистоту и порядок. Завтра же утром и начнём!

МАРИАННА: (Складывая бумаги на место) Какая она была?

ВАЛЕРИО: Кто?

МАРИАННА: Его девушка.

ВАЛЕРИО: Элизабет? Хорошенькая. Блондинка. Обыкновенная.

МАРИАННА: Они были страшно влюблены друг в друга?

ВАЛЕРИО: Дааа, конечно, думаю, да. Ходили в кино, на танцы. В общем, как все обручённые пары. Разумеется, они должны быть влюблёнными, как же иначе? (Марианна берёт из вазы цветок и вставляет его себе в волосы) Изумительно, тебе очень идёт.

МАРИАННА: (Пробует вставить цветок в разрез свитера) Так не лучше?

ВАЛЕРИО: Гмм, даже не знаю. Там вроде тоже хорошо.

МАРИАННА: Сосредоточься, пожалуйста, и скажи, где он лучше смотрится?

ВАЛЕРИО: Не могу сообразить...делай, как тебе самой больше нравится. (Марианна идёт в ванную, посмотреться в зеркало. Валерио достаёт из кармана расчёску, и торопливо причёсывается) Знаешь, мой брат ведь обезумел после автокатастрофы. Он начал хохотать.

МАРИАННА: Хохотать?

ВАЛЕРИО: Угу. Потом мог часами сидеть и молчать. Потом опять начинал хохотать. (Он чистит расчёску пальцами, Марианна вышла из ванной и смотрит на него) А однажды он съел все фотографии.

МАРИАННА: Съел?!

ВАЛЕРИО: Да, правда, правда. Он достал все фотографии Элизабет и съел их. Сначала разорвал на мелкие кусочки, а потом преспокойненько их съел. (Марианна ставит цветок обратно в вазу.) Ты же хотела его использовать?

МАРИАННА: Передумала. Как-то он не очень здесь смотрится.

ВАЛЕРИО: Возьми другой.

МАРИАННА: Не-а, это лишнее. (Короткая, неловкая пауза) А как насчёт нас с тобой? Мы любим друг друга, как ты думаешь?

ВАЛЕРИО: Конечно. Как большинство женихов и невест!

МАРИАННА: Честно говоря, я себя совсем не чувствую невестой.

ВАЛЕРИО: Если уж на то пошло, я тоже. Я уже как-то немного староват для жениха. Но в душе я так и остался двадцатилетним мальчишкой. Нет, это перебор, конечно, не двадцатилетним, нет, но, скажем, тридцатилетним...тридцатилетним с хвостиком...перевалившим за половину четвёртого десятка, если быть точным, так честнее, а? (Смеётся)

МАРИАННА: Ты и дальше собираешься всё так скрупулёзно подсчитывать?

ВАЛЕРИО: Но ведь это правда! (Идёт к ней, чтобы поцеловать)

МАРИАННА: (Проскальзывая мимо него, направляется к радиоприёмнику) Немного фантазии - вот чего нам здесь не хватает. Ну-ка, обворожи меня, синьор Помидор!

ВАЛЕРИО: Отлично! Как скажете. Моя обворожительность, появись!

МАРИАННА: (Прибавляет громкость приёмника, из которого разносится заводная мелодия старого доброго твиста) Танцуют все! (Она начинает танцевать, Валерио с восхищением на неё смотрит, затем аплодирует) Давай, давай, танцуй! (Она тянет его за руку, он вырывается)

ВАЛЕРИО: Я не умею танцевать.

МАРИАННА: А я тебя научу. Давай! (Они танцуют. Валерио делает это неуклюже и неохотно, Марианна его подбадривает) Вот так. Хорошо!

ВАЛЕРИО: (Со смешанным чувством неловкости и веселья, он начинает яростно вытанцовывать) Бог, мой! Какое счастье снова стать двадцатилетним! (Он опять достаёт расчёску и причёсывается, продолжая танцевать) Ну, как, хоть немного очаровал тебя, нет?! (Падает на задницу и идиотски хихикает. Марианна помогает ему подняться и рукой отряхивает его брюки. Они смотрят друг на друга. Валерио порывисто её целует. Голос диктора из радио: “ Нил: Мифы, Легенды и Наводнения. Глава пятьдесят девятая”. Валерио идёт выключить радио. Последний раз проводит расчёской по волосам) Что ты думаешь о квартире? Она тебе нравится? (Прячет расчёску в карман.)

МАРИАННА: Немного мрачновато. И потом она такая огромная.

ВАЛЕРИО: Все эти годы тут всё оставалась неизменным, но теперь пришло время перемен.

Ты мне поможешь в этом, ты ведь такая выдумщица. Потихоньку, полегоньку, сначала сделаем одну комнату...

МАРИАННА: Нет, если уж затевать ремонт, то здесь надо переделывать всё целиком, всё перекрашивать сверху донизу, по-новой обставлять.

ВАЛЕРИО: Ну..., давай так и сделаем.

МАРИАННА: (Показывая на дальнее окно) Вон там, к примеру, я бы повесила шторы.

ВАЛЕРИО: Почему бы и нет? Я куплю материю. Какую-нибудь серенькую.

МАРИАННА: Ну, может быть.

ВАЛЕРИО: Как-то ты не очень уверенно.

МАРИАННА: Ты правда считаешь, что это то самое место, где можно вырастить детей?

ВАЛЕРИО: Да почему нет-то? Что может помешать? Я имею в виду, мы же решили всё здесь перестроить по-новому...Да, кстати, здесь ведь есть ещё одна входная дверь, чтоб ты знала. (Показывает на дверь, заваленную бумагами) Сейчас мы пользуемся только одной, но если нужно, можно и эту освободить и открыть, пожалуйста...(Короткая пауза)

МАРИАННА: Нам пора идти.

ВАЛЕРИО: Да, сейчас его позову. Значит, цветка не будет?

МАРИАННА: Нет.

ВАЛЕРИО: (Подходя к ней) Жаль. Я очень люблю цветы. Одна пожилая дама открывает свой цветочный киоск у нас на углу по воскресеньям. Подарите нам свой поцелуй, леди. (Он притягивает её к себе и целует. Появляется Антонио, у него на голове соломенная шляпа, на несколько размеров меньше, чем ему нужно. Он посылает им воздушный поцелуй, они отстраняются друг от друга.) Ты готов?

МАРИАННА: О, какая у тебя красивая шляпа!

АНТОНИО: Это папа мне подарил, когда мы на море ездили.

ВАЛЕРИО: Я надеюсь, в кино ты её снимешь?

АНТОНИО: С какой стати?

ВАЛЕРИО: Ты загородишь весь экран, из-за твоей головы никто ничего не увидит, ты ведь уже совсем большой.

АНТОНИО: (Поднимает вверх руки с растопыренными пальцами) Я маленький мальчик с пальчик, папа - волшебник, а все мои братья и сёстры тоже - спальчики.

ВАЛЕРИО: (Теряя терпение) Мы идём или нет?

АНТОНИО: (Показывая пальцами вниз, потом вверх) Когда они встают на корточки, они ползут на беге, а когда поднимаются на ноги, они загорают.

ВАЛЕРИО: Пошли скорее, а то опоздаем. (Выключает свет в ванной и идёт по коридору к выходу)

АНТОНИО: Вся семья идёт на море. (Показывает руками) Идут, идут, идут, а потом загорают

(Показывает руками)идут, загорают, идут, загорают...

ВАЛЕРИО: Я не хочу пропустить начало.

МАРИАННА: Да, ладно тебе. Это же мультфильмы, а не боевик.

ВАЛЕРИО: Это дело принципа. Я никогда не вхожу в зал, когда фильм уже начался.

АНТОНИО: По воскресеньям, мама всегда водит меня в кино.

МАРИАННА: Твоя мама? (Валерио замирает)

АНТОНИО: Да. Папочка слушает по радио футбол, а мамочка идёт со мной в кино.

МАРИАННА: Но...твоей мамы...сейчас...здесь нет.

АНТОНИО: Как это нет! Что бы ты понимала? Хочешь, чтобы я её сейчас позвал? Если ты мне не веришь, я её позову сейчас! (Марианна в растерянности, Валерио с возрастающим волнением)

ВАЛЕРИО: Нет, слушай...я не собираюсь сейчас...

АНТОНИО: (Бежит сначала на кухню, затем в коридор) Мама! Мамуль! Мамуся!

ВАЛЕРИО: Давай, сам с собой поиграй. Я не буду больше переодеваться!

АНТОНИО: В вазе цветы, значит мамочка где-то здесь. Она каждое воскресенье их покупает. Мамуля! (Слышно, как он открывает по очереди двери спален.) (Из-за кулис) Мамулик! Мамсик, ты где!?

ВАЛЕРИО: Чёрт бы тебя побрал!

МАРИАННА: И что ты делаешь, когда он вот так?

ВАЛЕРИО: Что я делаю? Ни за что не догадаешься!

АНТОНИО: (Из-за кулис) Мамусик, мой ангел-хранитель, это я - твоя розовая попочка. Где моя присыпка? Попудри мне попочку, припудри её! (Возвращается в гостиную)

ВАЛЕРИО: (Раздражённо) Всё! Замолчи, слышишь! Хватит!

АНТОНИО: Кто так сделал, что мама исчезла? (Марианне с угрозой) Марианна это сделала, да? (Наступая на неё) Это она, да?

ВАЛЕРИО: (Заслоня собой Марианну) Антонио...Тони, прошу тебя...пойдём в кино.

АНТОНИО: (Сердито отгаликивая его так, что Валерио падает в кресло) Привет, Марианна! (Его пугающее выражение лица меняется на ласковую улыбку) Пока мы ждём нашу мамочку, не поиграть ли нам в игру?

МАРИАННА: (Всё ещё немного напугано, Валерио утвердительно кивает ей) С удовольствием.

АНТОНИО: Но сначала ты должна мне кое-что пообещать.

МАРИАННА: Что?

АНТОНИО: Что ты не заведёшь часы.

МАРИАННА: (Осматриваясь вокруг) Часы?

ВАЛЕРИО: (Резко поднимаясь с кресла) Да, конечно, это он...(Жестом показывает, что Антонио опять шутит)

АНТОНИО: Мам, ты скоро? (Валерио беспомощно разводит руками) У нас трое часов, но они все стоят. Одни здесь. (Показывает на часы на комод) Другие в коридоре, и ещё одни в тумбочке возле моей кровати. Обещай, что ты не заведёшь их.

МАРИАННА: Хорошо, я обещаю.

АНТОНИО: Отлично, теперь мы можем начать нашу игру. (Он идёт к вешалке и снимает два парика) Пошли в кино, мам! (Бросает седой парик на стол прямо под нос Валерио. Затем протягивает другой парик Марианне) Надевай.

МАРИАННА: Зачем?

АНТОНИО: (Настойчиво) Надень, я сказал! (Валерио показывает ей жестом, не подчиняться) Мамочка, так мы идём с тобой в кино или нет? (Марианна берёт парик и надевает его.)

МАРИАННА: Так хорошо?

Валерио спешит к вешалке и переодевается в “маму”. На этот раз всё делает, как положено. Он закатывает штанины брюк, отвязывает и снимает фартук и надевает туфли на высоком каблуке. Затем набрасывает на плечи шаль.

АНТОНИО: Сдвинь немного назад. Вот так! Вот она, моя маленькая блонда!

МАРИАННА: Кто, я? (Антонио подходит вплотную к ней)

АНТОНИО: (Шёпотом) Моя маленькая блонда! (Он гладит её. Марианна замирает, и смотрит на Валерио, который ещё не закончил переодевание.) У неё были такие маленькие, беленькие зубки, и она покусывала меня, бывало вот сюда (показывает на шее у Марианны это место) А когда она ела редиску, её зубки делали вот так: “Хрумк, хрумк”!...Она любила и морковку грызть: ”Хрумк, хрумк!” (Целует её в шею. Марианну, как будто парализует) Вот...сюда! “Хрумк!” Где маленькая родинка. “Хрумк!” Какие духи. “Хрууумк!”

ВАЛЕРИО: (Он уже переоделся) Тони! (Антонио снова целует Марианну) Антонио!!! (Антонио поворачивается к нему со сжатыми кулаками, готовый его ударить. Но тут же успокаевается и расплывается в улыбке.)

АНТОНИО: Аaaa! Ну, наконец-то! Мы идём сегодня в кино? (Валерио тяжело дышит. Марианна явно смущена) Что сегодня показывают?

ВАЛЕРИО: “Волшебник изумрудного города”. Отличный фильм. Весёлые песенки. (Марианна с изумлением и отвращением разглядывает его костюм)

АНТОНИО: А ты купишь мне мороженое?

ВАЛЕРИО: Конечно.

АНТОНИО: И поп корн. И шоколадку, ладно?

ВАЛЕРИО: Да, да, как всегда.

АНТОНИО: Она тоже с нами пойдёт?

ВАЛЕРИО: Думаю, что нет.

МАРИАННА: Конечно, я пойду с вами.

ВАЛЕРИО: Тебе понравилась эта игра? Находишь её забавной?

МАРИАННА: Не я же её придумала.

АНТОНИО: А она, кто?

ВАЛЕРИО: (Совершенно растерявшись) Она...эээ, мама...папа...ааа, невеста Валерио.

АНТОНИО: Она не будет дёргать меня за петушок? (Марианна хихикает) Правда, не будет это делать? (Он повторяет жест вытянутой за спиной рукой)

МАРИАННА: Я обещаю тебе, что не буду так делать.

АНТОНИО: Тогда мы можем пойти в кино все вместе!

МАРИАННА: (Валерио) Ты собираешься выйти на улицу в этом наряде?

АНТОНИО: Конечно, мы делаем это каждое воскресенье. Пошли на улицу! (Он берёт их обоих за руки) Большая дружная семья! (Смеется, тащит их обоих к выходу и поёт) “Папа, мама, ты и я, вместе дружная семья!”

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Поздний воскресный вечер. В гостиной темно. Единственное освещение это проникающий через заднее окно слабый свет уличных фонарей. Антонио в пижаме сидит в кресле слева, на коленях у него плюшевый медведь. Марианна появляется из коридора слева и направляется на кухню, на ней только комбинация.

АНТОНИО: Крик...крик...крик...(Марианна от неожиданности вздрагивает и останавливается) Не надо пугаться, это всего лишь сверчок. Здесь их полным полно.

МАРИАННА: Ой, это ты!

АНТОНИО: У них у всех есть имена: Хемфри, Тафтер, Филипино...тот который сейчас стрекотал, был как раз Филипино.

МАРИАННА: Что ты тут делаешь? Почему ты не спишь?

АНТОНИО: Поддерживаю компанию сверчкам.

МАРИАННА: Ты меня очень напугал.

АНТОНИО: Не хочешь немного посидеть тут со мной?

МАРИАННА: (Заходит на кухню) Ты что, уже почти полночь. (Слышно, как бежит вода из крана.)

АНТОНИО: Ты кого-то ждёшь? У тебя что, свидание? Может, ягуар сбежал из зоопарка?

МАРИАННА: (Выходя из кухни со стаканом воды и направляясь в сторону коридора) Мне завтра рано вставать.

АНТОНИО: Стой, где стоишь! (Показывает ей медведя) Тебе нравится Кудряш?

МАРИАННА: Кудряш? (Она ставит стакан на стол)

АНТОНИО: Присядь. (Он хлопает рукой по подлокотнику своего кресла) Его зовут Кудряш, потому что...он..., ну, в общем, кудрявый.

МАРИАННА: Выглядит как добрый малый.

АНТОНИО: А на самом деле, он не тот, за кого себя выдаёт! (Он бросает медведя на пол) Он шпион.

МАРИАННА: Никогда бы на него не подумала. (Садится на подлокотник кресла)

АНТОНИО: Ну, вот теперь знай. Он меня разбудил и говорит: “Иди посмотри,” - потом берёт за руку и ведёт к вашей комнате. Я не хотел туда идти, но он меня заставил. “Иди, смотри и слушай”...и захихикал и так дёрнул меня за руку, что она у меня до сих пор болит. А смеялся он потому что знал, что я потом буду сам с собой играть. (Марианна вскакивает на ноги, но он её хватает за руку) Он меня учит делать нехорошие вещи....подслушивать и подсматривать в замочную скважину. Он мне показал, как надо самому с собой играть. Я сначала не хотел, а сейчас не могу удержаться. А он меня ещё и шантажирует. Говорит: “Если сейчас не пойдёшь, я всё расскажу твоему брату.” Поэтому я встал с кровати и пошёл за ним босиком. Мы приложили уши к двери с слушали. Я знаю, что вы там делали. Кудряш хихикал, а я нет.

МАРИАННА: (Вырывая свою руку) Ты шпионил за нами!

АНТОНИО: (У него перехватило дыхание) Взрослые занимаются любовью, и дети это знают, потому что они слышат все эти скрипы и звуки. (Марианна хочет уйти, но Антонио загораживает ей дорогу). Я ничего не видел, клянусь, ничего, и Кудряш тоже ничего не видел. Вы свет выключили.

МАРИАННА: Ты подсматривал за нами в замочную скважину!

АНТОНИО: (Со слезами) Там было темно. (Марианна снова пытается уйти, Антонио бросается на пол) Не уходи, не уходи! (Марианна останавливается) У меня нежное сердце, и сверчки мои лучшие друзья. Посиди со мной. (Марианна присаживается рядом с ним на корточки) Что для тебя значат дети?

МАРИАННА: Я не знаю, никогда об этом не думала. Мне кажется, их надо любить и помочь им стать взрослыми людьми.

АНТОНИО: С чёртом ли с Богом, выйдет всё боком!

МАРИАННА: Почему ты так говоришь?

АНТОНИО: Всё банально и взросло, полетай ночью просто. (На лице Марианны недоумённая улыбка) Ребёнок это пустая обитель, а вокруг человечьи следы. Они ведут куда угодно, но только не во внутрь. Правда иногда они подходят прямо к двери, но тут же поворачивают назад. Как прекрасно было бы если человеки вошли туда и зажгли огонь! Он бы слушал сказки и учился, как стать взрослым. Но вместо этого он слышит их удаляющиеся шаги и горько плачет. Когда увидишь такую одинокую обитель, войди в неё.
Крик...крик...крик...

МАРИАННА: Это всё ещё Филипино поёт?

АНТОНИО: Нет, это Тинкербел. Слышишь, какой у неё серебристый голосок?
Крик...крик...крик... Она так всю ночь распевает, я глаз не могу сомкнуть до утра.

МАРИАННА: Кто тебе рассказал эту сказку про одинокую обитель?

АНТОНИО: Это не сказка, а быль. У нас дома есть книжка. Мама мне её всегда читает, но я всегда сам знал, что это правда, сердцем знал.

МАРИАННА: Откуда ты знаешь, что это правда?

АНТОНИО: Потому что я сам пустая обитель. Что не видишь мох на полу? Слышишь, как ветер завывает в дымоходной трубе. У-у-у-у-у-у! Послушай, как двери скрипят...кры-быык...кры-ы-ы-ыкк...о, слышь-ка капелька дождя по крыше...кап! Кап! Сейчас польёт, как из ведра, хочешь войти внутрь?

МАРИАННА: О, боюсь, я не большой специалист по части разжигания огня.

АНТОНИО: Не страшно. Я и сам могу, я профи, Кудряш меня научил.

МАРИАННА: Давай, лучше завтра.

АНТОНИО: Но я и сегодня ночью свободен. (Марианна смеётся) Тебе это смешно? Значит, ты не маленькая, хорошая сестрёнка. (Он вскакивает на ноги)

МАРИАННА: Тсс! Разбудишь Валерио.

АНТОНИО: Он не спит, потому что вы занимались любовью, а сейчас он ждёт прощальный сладкий поцелуйчик на ночь.

МАРИАННА: (Пытается его успокоить) А я зашла сюда, чтобы поближе с тобой познакомиться.

АНТОНИО: (Отступая) Не подходи ко мне, не трогай меня, я серьёзно...а то я напишу в штаны. (Марианна останавливается)

МАРИАННА: Надо уметь проявлять терпение. Мы должны научиться с тобой общаться, я ведь о тебе мало что знаю, может быть, даже и не самые важные вещи мне известны, но ты мне уже очень нравишься. Завтра я заканчиваю работу в два часа и у меня весь вечер свободен. Мы могли бы начать знакомство с твоими игрушками, ты бы мне рассказал, как их всех зовут, а потом, я бы хотела почитать эту книгу. Как, ты сказал, она называется?

АНТОНИО: Я ничего не говорил.

МАРИАННА: И не скажешь?

АНТОНИО: Мы сами не знаем, как она называется, потому что обложка была оторвана вместе с первой страницей, поэтому мы её называем "первостраничная книга", потому что её там нет. Она всегда такой была, с тех пор, как досталась нам от пра-пра-деда.

МАРИАННА: О, так она, значит, очень старая. (Она подходит к Антонио)

АНТОНИО: Да, настоящий клад. Она напечатана маленьким, меленьким шрифтом.

МАРИАННА: (Глядя его по плечу) Покажешь мне её завтра?

АНТОНИО: Когда ветер, в воздухе что-то витает.

МАРИАННА: Что?

АНТОНИО: Но только, когда он дует.

МАРИАННА: О чём ты говоришь?

АНТОНИО: Я хочу, чтобы ты меня сейчас остановила.

МАРИАННА: Остановила?...Я тебя не понимаю.

АНТОНИО: О, Господи, неужели я должен всё объяснять? Сейчас я соберусь уходить, а ты останавливай меня, как будто я хочу уйти, а ты этого не хочешь, потому что у тебя есть, что сказать мне, тогда ты берёшь меня за руку, как я тебя брал, когда просил тебя остаться, и просишь меня остаться, и усаживаешь меня и объясняешь всё. Я всё понимаю, и мы возвращаемся к тому, с чего начали, только теперь уже будет та останавливающая меня причина, которая всё чуть-чуть прояснила. Теперь поняла? Итак, я ухожу, а ты останавливай.

МАРИАННА: Да, зачем?

АНТОНИО: (Теряя терпение) Что, зачем? Взрослые всегда хотят знать зачем! Когда мы дети спрашиваем вас зачем, куда вы нас посылаете? Правильно, к чёрту! Давай, останавливай меня. Я сейчас сяду, потом встану, пойду, а ты меня останавливай. (Он садится) Поехали! (Он вскакивает с места и идёт к выходу. Марианна не реагирует) Ну, и что?

МАРИАННА: Извини, я не успела подготовиться.

АНТОНИО: Соберись! Тинкербел за нами наблюдает. Не выставляй меня перед ней идиотом! (Он снова садится) Поехали! Так, с меня хватит, я иду спать. (Он встаёт, Марианна его останавливает)

МАРИАННА: Нет, пожалуйста, останься.

АНТОНИО: Ты, правда, этого хочешь? Серьёзно?

МАРИАННА: (С улыбкой) Да, я серьёзно.

АНТОНИО: Теперь ты должна сказать, что любишь меня.

МАРИАННА: Я?

АНТОНИО: Ну, конечно, ты. Кто ещё? Ты. Скажи, что любишь меня.

МАРИАННА: Так, всё, хватит. Мне такие игры не нравятся. (Собирается уходить)

АНТОНИО: (Останавливая её) Ты сама просила меня остаться.

МАРИАННА: Спокойной ночи, Тони. (Антонио хватает и целует её руки. Марианна пытается освободиться) Спокойной ночи, спокойной ночи...

АНТОНИО: Che'rie, che'rie. (Он пытается силой её удержать) Ma Petite...

МАРИАННА: Пожалуйста, перестать. Я хочу спать. (Антонио пытается поцеловать её в губы. В этот момент из коридора в гостиную входит Валерио, он в своём халате)

ВАЛЕРИО: (Он не успевает ничего заметить) А, вот ты где...

АНТОНИО: (Хватая трубку телефона) Крик...крик...крик...

ВАЛЕРИО: А уж волноваться начал, куда ты пропала.

МАРИАННА: Забежала к Тони на минутку, мы немного поболтали. Он завтра собирается познакомить меня со своими игрушками.

ВАЛЕРИО: (Обращаясь к Тони с некоторым подозрением) А ты почему не в постели?

АНТОНИО: Мы с Кудряшом проверяли часовых.

ВАЛЕРИО: Марш в постель, живо!

АНТОНИО: (Марширует) Крик, крик, крик, крик...(Выходит в коридор и идёт налево)

ВАЛЕРИО: Чем вы тут занимались? Что он от тебя хотел?

МАРИАННА: (Заметно нервничая) Он подслушивал у нас под дверью. Ты должен что-то сделать, я не могу это переносить.

ВАЛЕРИО: Он не мог ничего слышать, мы же шёпотом разговаривали.

МАРИАННА: Я должна чувствовать себя свободной, я не могу смириться с тем, что твой брат подслушивает под дверью.

ВАЛЕРИО: (Начиная нервничать) Давай сейчас успокоимся, мы со всем справимся, потихоньку, полегоньку, главное не надо расстраиваться. Что он мог услышать? Ничего страшного не случилось.

МАРИАННА: Дело не в этом.

ВАЛЕРИО: А для меня в этом.

МАРИАННА: Ты меня извини, я первый день здесь, ты представь себя на моём месте. Вся эта квартира, он и...

ВАЛЕРИО: И?

МАРИАННА: И ты.

ВАЛЕРИО: А что, я?

МАРИАННА: Переодетый женщиной, вот что...в парике, на высоких каблуках.
(Саркастически улыбается)

ВАЛЕРИО: Я должен был это сделать, ты сама видела, когда он затоскует по «мамочке» или по «папочке», мне надо переодеться, или он никогда не успокоится.

МАРИАННА: Ты не представляешь, какой ты смешной, в этой юбочке,...маленькая старенькая дамочка! (Смеётся)

ВАЛЕРИО: Не нахожу в этом ничего смешного.

МАРИАННА: В кино все на тебя пялились. Такая заботливая мамочка с сыночком, и он, через каждые две минуты: «Мамочка, купи мне мороженое, мамочка, купи мне поп корн!»
(Смеётся)

ВАЛЕРИО: Ладно, хватит тебе. Думаешь, я смеха ради всё это делаю?

МАРИАННА: Над тобой все смеялись, и ты сам это знаешь.

ВАЛЕРИО: Неправда. Он больной, и все это здесь понимают.

МАРИАННА: Ну, знаешь, я не хочу иметь серьёзные отношения с посмешищем.

ВАЛЕРИО: Ты хочешь, чтобы я сдал его в приют? Что я могу ещё сделать? А, я знаю, надо прикончить его. Наверно, это бы тебя устроило. (Марианна поворачивается и идёт по коридору налево) Прости меня.

МАРИАННА: (Из-за кулис) Я уйду домой.

ВАЛЕРИО: Прямо сейчас?! Послушай, ...уже три часа ночи! (Он идёт за ней, слышны их голоса)

МАРИАННА: (Из-за кулис) Так будет лучше, никто ничего не заметит.

ВАЛЕРИО: (Из-за кулис) Подожди, послушай, сегодня был трудный день...ты первый раз пришла к нам, он впервые тебя увидел...все эти солдатики, переодевания...я это не каждый день делаю, правда, я честно тебе говорю, иногда бывает месяц без этого...и потом это почти всегда «папочка», редко, редко «мамочка» бывает...

МАРИАННА: (Из-за кулис) Извини, я переодеваюсь.

ВАЛЕРИО: (Из-за кулис) Да, да, извини, конечно. (Возвращается в гостиную) Когда всё идёт нормально, это не так ужасно, просто надо проявить немного терпения. Если он опять начнёт, клянусь тебе, я переоденусь «папочкой» и задам ему настоящую трёпку. Поверь, ты так много для меня значишь в жизни, больше чем... (Марианна возвращается в гостиную, она переоделась в свой костюм, в руках у неё дорожная сумка) Ты, правда, уходишь?

МАРИАННА: Я тебе позвоню. (Валерио берёт её за руку) Прошу тебя, я очень устала.

ВАЛЕРИО: Ну, что такое? Ты меня больше не любишь?

МАРИАННА: Не знаю. Увидимся. Извини. (Она проходит мимо него, идёт в ванную, и возвращается с флаконом духов, который кладёт в свою сумку)

ВАЛЕРИО: Нам стоило такого большого труда полюбить друг друга, и вот... (Он щёлкает пальцами) Фук?

МАРИАННА: Мне нужно побыть одной.

ВАЛЕРИО: Зачем тебе оставаться одной, когда ты можешь быть со мной.

МАРИАННА: А зачем мне быть с тобой, когда я могу быть одна. (Валерио удручён) Куда бы я не пошла, я чувствую, что за мною следят. Если это не плюшевый мишка, то оловянный солдатик, если не солдатик, так сверчок.

ВАЛЕРИО: Сверчок?

МАРИАННА: А ты что, не знал, что в квартире есть сверчки? Они здесь повсюду.

ВАЛЕРИО: С чего ты это взяла?

МАРИАННА: Да, Тафтер и Немфри, и Филипино... (Слышно как Антонио тонким голоском пищит)

АНТОНИО: (Из-за кулис) Крик...крик...крик...

МАРИАННА: О, это Тинкербел. Слышишь, какой у неё серебристый голосок?

ВАЛЕРИО: Сверчки!

АНТОНИО: (Из-за кулис) Крик...крик...крик...

МАРИАННА: Угу, сверчки. А что в этом удивительного?

АНТОНИО: (Входя в гостиную) Крик...крик...крик...

ВАЛЕРИО: А, ну-ка быстро возвращайся в свою комнату!

АНТОНИО: Я только что поговорил с Тинкербел, и знаете, что она мне сказала? Она сказала: «Твой брат – очень грустный брат». Марианна – хохоташка, а братишка – нсмеяшка.

ВАЛЕРИО: Какая прелесть! Это гениально! Вот, спасибо тебе, Тинкербел!

АНТОНИО: (В течение его монолога Марианна совершенно очарована, Валерио мрачнеет ещё больше и чувствует себя униженным) Все женихи и невесты должны быть счастливы, они должны смеяться. Мы с Элизабет всегда смеялись. И у каждого смеха был свой цвет. Когда мы смеялись жёлтым смехом, все оборачивались и смеялись вместе с нами. А когда мы начинали смеяться красным, все отводили взгляд в сторону, потому что он немного резковатый, и люди чувствовали себя неловко. А однажды я засмеялся цикломеном, это когда я притворился цветком, чтобы обворожить Элизабет, а она сказала: «Как это у тебя так получается? Ну-ка ещё посмейся так»,...и я ещё показал ей, как это делается, а у неё всё никак не получалось. Она смеялась белым, голубым, а цикломеном не могла, тогда я стал учить её, я изобретал разные позы цикломена, вот такую, например,... или такую... (принимает причудливые позы) целый вечер на это убил тогда, просто чтобы научить её смеяться всеми возможными цветами радуги, я даже лицо менял вот так (демонстрирует причудливый смех), вы даже представить себе не можете, сколько всяких оттенков может быть у смеха, у одного только серого их 33, у голубого – чуть меньше, у красного - ещё больше, а, скажем, у оранжевого... их вообще бессчётное множество! Элизабет в них всё время путалась, вот уж я тогда хохотал...! (Смеётся) «Выше!», - кричу ей, или «Глубже!... Вот так!...нет, нет, нет!»(Преувеличенно разочарованно) Она свободно смеялась коричневым, ну, это не сложно, это каждый может, смеяться цветом прошлогодних листьев... «Давай, давай, ещё острее!» И она опять начинала... «Вот, вот, почти! Уже почти получилось!» Она уже подобралась совсем близко к смеху цикломена, мне даже казалось, что у неё получилось. «Теперь, давай, держи его, и не выпускай больше!» И потом вдруг наступила тишина...мы смотрели друг на друга...очень серьёзно, только глаза наши смеялись. Может, это он и был, смех цикломена? А может, и нет? Но всё равно, весь тот день мы смеялись, а вечером решили пожениться. (Он смотрит в глаза Марианне) Ну, так что? Значит, уходишь?

МАРИАННА: (Как будто очнувшись от сна) А...да, конечно. Пока. (Смотрит на Валерио, потом опустив глаза) Пока...

Оба брата стоят неподвижно, Марианна выходит в коридор и идёт направо по направлению к

выходу пока...

Уходит свет.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА.

АКТ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Два дня спустя. Утро. На столе накрыт завтрак. Из коридора доносится барабанная дробь. Через некоторое время в арке появляется Антонио. Он одет так же, как в начале первого акта, он ожесточённо бьёт в барабан, который висит у него на шее.

АНТОНИО: Валерио! (Барабанная дробь) Кудряш приговорён к смерти, не хочешь посмотреть на казнь? Его расстреляют в спину, как шпиона! (Барабанная дробь) Казнь свершится в коридоре, жалко обои, конечно! (Смеётся и бьёт в барабан) Так ты идёшь? Брат? Что ты там делаешь, какаешь, что ли? (Он подсматривает в замочную скважину туалетной двери) Дезертир! (Лихорадочно отбивая барабанную дробь, открывает все двери, в поисках Валерио) Дезертиров тоже расстреливают в спину, как и шпионов. (Длинная барабанная дробь) Огонь! (Спешит к звонку в магазин, который находится на правой стене рядом с дверью на террасу, и неистово звонит) Тебя убили, тебя убили, тебя убили! (Он выходит на террасу и кричит) Повесь табличку “буду через минуту” и беги на кладбище, тебя там уже ждут, гроб уже готов, а покойника всё нет, все беспокоятся, уж не случилось ли чего. (Хохочет) Ладно, Валерио, я шучу! Давай, поднимайся, мы с тобой позавтракаем. (Он возвращается в гостиную, смотрит на накрытый стол и кланяется) Доброе утро, мармелад, как спалось сегодня? Не надо так ворчать, госпожа Чайная ложка, как вы себя чувствуете? “Глаз не сомкнула всю ночь, они оставили меня в кофейной чашке, заляпаной липким сахаром, я чувствую себя совершенно разбитой, отличное начало паршивого дня! (Он снова идёт к звонку, несколько раз звонит, потом выходит на террасу) Allo! Allo! Est-ce que monsieur Valerio est la? Ты меня слышишь? Хватит быть продавцом, немедленно поднимайся сюда! (Возвращается в гостиную и снова отвешивает поклон накрытому завтраку) Как у нас масло сегодня поживает? Немного прибавило в весе, но держится молодцом. А вот безкофеиновый чай у нас что-то бездействует. Наверно, залежался на своей полке. Вы только подумайте, ещё вчера он мне хвалился, что жизнь свою готов отдать ради чашки хорошего кофе! “Эй, огонька не найдётся?” - как спросил пожарник у поджигателя. (Он слышит, как открывается входная дверь) Мы отправляемся, мы отправляемся, пристегните привязные ремни, приготовились к взлёту! Мы не прощаемся, не говорим ни слова, никаких записок, тем более телеграмм!

Входит Валерио, он немного запыхался. На нём серый халат, из нагрудного кармана которого торчат ручки, карандаши и его очки.

ВАЛЕРИО: Что ты звонил? Зачем я тебе понадобился?

АНТОНИО: Когда в неведеньи - блаженство, бунтует бешено безумство. (Смеётся) Ты как раз вовремя, я чуть не обсикался, а у нас кончились подгузники.

ВАЛЕРИО: (Направляясь по коридору налево) Я во вторник новую пачку тебе купил.

АНТОНИО: На этой неделе я часто писался.

ВАЛЕРИО: (Из-за кулис) И из-за этого ты меня вызывал! Ты же прекрасно знаешь, что в твоей тумбочке всегда лежит новая пачка. (Он возвращается в гостиную с пачкой памперсов) На, держи! (Бросает пачку Антонио, который не реагирует, и она падает на пол)

АНТОНИО: Когда я утром просыпаюсь, мама всегда мне готовит завтрак.

ВАЛЕРИО: Он уже готов.

АНТОНИО: Он остыл. Кофе - холодный.

ВАЛЕРИО: (Трогает рукой чашку) Замечательный, тёплый кофе.

АНТОНИО: А когда я проснулся, он был холодный.

ВАЛЕРИО: А потом сам собой согрелся, так что ли?! Я сегодня немного проспал, и сразу побежал открывать магазин. Ты забыл, кто у нас здесь кормилец? Кто содержит семью? (Барабанная дробь) Прекрати! (Антонио подчиняется) Я когда-нибудь могу заняться собой? Может, у меня сейчас нервный срыв? Или живот скрутило? Или мне надо оплатить телефонные счета? Или написать себе в штаны? (Идёт по коридору направо к выходу)

АНТОНИО: Я думаю, Марианна вернётся. (Пауза. Валерио возвращается)

ВАЛЕРИО: Нет. Марианна ушла, и никогда больше не вернётся. Она мне даже ни разу не позвонила. Теперь ты доволен? Поздравляю, на этот раз у тебя всё получилось. Ты, как кровожадный напалм, мог бы, наверно, райские сады превратить в пепел... (Снова собирается уходить, Антонио хихикает. Валерио возвращается, бросается на брата и вырывает у него из рук барабанную палочку) Всё шло прекрасно, это был первый день, но ты...ты... (Замахивается на него палочкой. Антонио бежит от него, Валерио безвольно опускает руку)

АНТОНИО: Я маленький пупсик, с поникшей головой. Смотри, смотри, смотри! (Он снимает с шеи барабан и держит его на вытянутой вперёд руке, и неестественно низко опускает голову)

ВАЛЕРИО: Знаешь, почему Марианна никогда больше не вернётся? Хочешь посмеяться? Потому что она видела меня переодетым в "маму", вот почему.

АНТОНИО: Зачем ты сказал "переодетым в маму"? Ты не должен был так говорить. (Роняет на пол барабан)

ВАЛЕРИО: Должен говорить, не должен говорить...я просто один раз сказал правду.

АНТОНИО: Ты обещал мне, что ничего не изменится, а теперь всё стало по другому, и часовой уже больше не стоит на посту.

ВАЛЕРИО: О, конечно, и часовой, и юбка, и парик, и туфли на каблуках...вы только посмотрите на этого бедного, маленького умника, видите ли, любви его лишили.

АНТОНИО: (Швыряя барабанную палочку на пол) Ты должен был быстрее затормозить!

ВАЛЕРИО: Мне не надо было тормозить вообще, тогда бы и мои мучения уже закончились, а ты сидел сейчас в своей психушке, щипал за попки медсестёр, а потом расписывал бы всё это в картинках своему психоаналитику.

(В течение последующего монолога, Антонио остаётся неподвижным, со странной улыбкой, которая застыла на его лице. Валерио же больше обращается к самому себе, нежели к брату) Думаешь, так просто найти себе женщину. Ты предлагаешь ей встретиться, если она говорит нет, ты расстраиваешься, а если согласится...,о, если она скажет да, это просто кошмар какой-то! Что дальше делать? Куда пойти? В ресторан? Отлично, прекрасно, изумительно! Это изумительно до безобразия, потому что сидишь и думаешь: "А о чём с ней собственно говорить-то?" Смотришь ей в глаза, а сам ждёшь не дождёшься официанта, в надежде, что, может быть, хоть он тебя как-то выручит, ведь женщины всегда ждут от тебя какой-то инициативы. Напрягаешь все свои мозги, чтобы придумать, что сказать, а она

преспокойненько прикуривает сигарету, если она курит! А если не курит, она вообще ничего не делает, просто сидит и убийственно на тебя смотрит! Наконец, кое-как, выдавишь из себя: “Вам здесь нравится?” Она ответит: “Да.” И всё. И опять тишина. И вот сидишь, смотришь, как люди входят, выходят, на счастливые пары, они весело смеются, и это хоть какая-то передышка, и ничего не происходит, такое я бы злейшему своему врагу не пожелал испытать...(Он присаживается на подлокотник кресла справа) В такие моменты молишься, чтобы потолок рухнул, и задавил бы всех, кого-то, может быть, даже насмерть, а, может, сразу и двоих, тогда бы это тебя спасло. Но нет, потолок на своём месте, проклятый железобетон, тогда начинаешь мечтать о землетрясении...куда там, даже чайная ложечка не шелохнётся, и ты понимаешь, что опять проиграл! Вот так оно обычно и происходишь, когда встречаешься с женщиной. (Он всакивает с кресла и опять замахивается на Антонио барабанной палочкой, тот от него отбегает) Но вот однажды, может быть, единственный раз в жизни, у меня всё получилось, как надо. И разговор сложился, и темы появились, и я был в ударе! Марианна так хорошо меня слушала, улыбалась мне, отвечала. (Замолкает, отбрасывает от себя барабанную палочку, и, с гордостью настоящего “мачо”, поправляет галстук) И это, мой дорогой братец, была настоящая победа. У меня не было девушки одиннадцать лет!

АНТОНИО: Двенадцать. (Он на террасе, кричит, как будто хочет, чтобы его слышали все соседи) Твоя последняя девушка бросила тебя за полгода до автокатастрофы. Я не виноват, что у тебя ничего не получается с женщинами.

ВАЛЕРИО: (Выходя на террасу, тоже кричит) Ты, наверно, забыл, что все эти годы, я только и делал, что нянчился с тобой. Ни о ком другом не думал, - только о тебе! (Возвращается в гостиную, садится за стол и механически разминает руками кусочек хлеба) Когда я познакомился с Марианной, мне захотелось сразу убежать, потому что я мгновенно понял, как это серьёзно. Но я собрал в кулак всё своё мужество, до сих пор не знаю, как мне это удалось, но я тупо глядя в пол, попросил её о свидании. И она согласилась! Бог знает, почему! Но она согласилась. Женщина! Я подумал, может быть, она вдова, и ей нужна квартира, и у неё есть ребёнок, которому нужен отец, а может, она очень больна, да, точно, так оно и есть! Она неизлечимо больна и ищет тихое местечко, где можно спокойно умереть. (Кладёт на тарелку кусочек хлеба)

АНТОНИО: (Незаметно берёт этот кусок) Наша квартира - самое подходящее место для этого. (Начинает есть хлеб)

ВАЛЕРИО: Самые невероятные предположения, почему она согласилась встретиться со мной, возникали у меня в голове, потому я не мог поверить, что ей просто этого хочется! (Машинально берёт и разминает другой кусочек хлеба) Мы с

ней стали часто проводить время вместе, бродить по городу, мы смотрели друг на друга, она мне улыбалась. Мне! Она беседовала со мной, слушала, что я ей говорил, и в один прекрасный день сказала: “Я люблю тебя”, - можешь себе это представить? Просто так сказала: “Я люблю тебя”. А я...я...тогда...(Вставая со стула, держа в руках кусочек хлеба. С комом в горле)... начал ей всё рассказывать, я говорил и говорил, и говорил, обо всём, что было раньше, о себе, всё, всё ей рассказал!

АНТОНИО: (Опять выбегая на террасу) А про свою коллекцию крышек от пивных бутылок ты ей рассказал? Куда они подевались? (Смотрит вниз, как если бы их выбросили с террасы) Куда делись крышки от пивных бутылок?

ВАЛЕРИО: Не беспокойся, о тебе я тоже ей всё рассказал. Как я мог тебя упустить?

АНТОНИО: Помнишь, какой тогда грохот был, как будто гроза началась? Такой треск стоял,

как под обстрелом!

ВАЛЕРИО: Конечно, с третьего этажа летели! Целый ящик, там их, наверно, сотни три было, если не больше, и все разлетелись по улице! Шесть лет их собирал. Несколько штук было очень ценных.

АНТОНИО: (Счастливо смеясь, вспоминая) Вот, все разбегались с улицы, кто куда!

ВАЛЕРИО: Там две крышки были от бельгийского пива, которое горячим пьют. Такое больше не делают. Они бы, наверно, сейчас бешенные деньги стоили.

АНТОНИО: А ты Марианне про это рассказал?

ВАЛЕРИО: (Опускаясь в левое кресло, всё ещё держа в руках кусок хлеба) Нет.

АНТОНИО: Ты должен был рассказать, ей бы понравилось. Бутылочные крышки падают с неба, и она смеётся!

ВАЛЕРИО: Ну, она не дура, знаешь ли.

АНТОНИО: Говорю тебе, она смеётся. Мне кажется, я слышу, как смеётся Элизабет.

ВАЛЕРИО: При чём здесь Элизабет?

АНТОНИО: (Взволнованно) Это она.

ВАЛЕРИО: О, прекрати, пожалуйста!

АНТОНИО: Она пробует смеяться цикломеном, я должен ей помочь. (Он бежит сначала на кухню, потом в ванную, затем по коридору) Попробуй сначала голубым, Элизабет! Потом, зелёным, оливковым! Где ты? Элизабет? Моя маленькая, прелестная блонда? Клянусь, на тебе сейчас подвенечное платье! Найдите её! Элизабет, Лиза, Лизааа! (Он останавливается, уставившись в одну точку прямо перед собой. Затем медленно идёт вперёд и опускается на колени) Тебе больно? Мне сказали, что вы врезались в стену, что ты погибла на месте. Но не надо слушать, что люди говорят. Сосочки твои всё ещё такие же твёрдые? Если бы ты только знала, как я люблю держать твои малюсенькие, крохотусенькие

титочки в своих большущих, пребольшущих руках! Давай, попробуем с тобой посмеяться цикломеном, давай? (Он встаёт и начинает кружиться с воображаемой девушкой на руках. Потом останавливается, хватая Валерио за руку и поднимает его на ноги) Хорошо, давай, попробуем! (Валерио, уступая, неподвижно стоит в центре сцены. Антонио идёт к вешалке, снимает подвенечное платье и надевает его на Валерио) Ты просто повторяй за мной. (Он смеётся, потом возвращается к вешалке, снимает с неё беловолосый парик и напяливает его на голову брата) Без труда, не выловишь и рыбку из пруда! (Валерио тоже смеётся. Антонио берёт его под руку и напевает свадебный марш) Выше голову, не падай духом! (Они идут вперёд) Отлично, очень хорошо! Закрой глаза, почувствуешь себя раскованнее! (Валерио пробует смеяться. Смех его больше похож на горький плач) Вот, у нас уже почти получилось, я чувствую приближение цикломена...(Раздаётся дверной звонок. Антонио и Валерио перестают смеяться) Я пойду открою.

ВАЛЕРИО: (Выбрасывая кусок хлеба) Нет, подожди!

АНТОНИО: Там кто-то за дверью стрекочет, крик, крик.

ВАЛЕРИО: (Выбегая в коридор) Это, наверно, Марианна! (Слышно, как открывается входная дверь. Валерио возвращается в гостиную, держа в одной руке большой чемодан, в другой дорожную сумку. За ним следует Марианна, с изумлением его разглядывая)

АНТОНИО: Марианна, я хочу тебя познакомить с Элизабет. Элизабет, это Марианна.

МАРИАННА: Привет.

ВАЛЕРИО: О, какое счастье. А то я уже перестал надеяться. (Он идёт по коридору налево, волоча за собой чемодан)

МАРИАННА: Я не знаю, зачем я здесь.

АНТОНИО: Ничего, Кудряш знает. И Филипино передаёт тебе привет.

МАРИАННА: Здравствуй, Антонио.

АНТОНИО: (Счастливо улыбаясь) Антонио, не Тони! (Он берёт её на руки, она от неожиданности вскрикивает) Ты знаешь, как смеяться цикломеном? Это смех всех молодых счастливых пар. Вот так, слушай! (Он смеётся)

МАРИАННА: (Шутливо) Ты так умеешь, Валерио?

ВАЛЕРИО: (Из-за кулис) Что?

АНТОНИО: Он всегда грустный, он совсем не умеет смеяться. Давай, со мной попробуй. (Смеётся на очень высокой ноте) Тебе нравятся такие цвета?

МАРИАННА: Я их обожаю. Особенно цикломена.

АНТОНИО: Тогда давай смеяться! (Он падает в левое кресло с Марианной на руках) Давай, пробуй! (Марианна смеётся) Хорошо, ещё, почти получилось! (Смеются вместе) Вот он, смех цикломена! (Возвращается Валерио, держа в руках платье и парик. Вешает на место платье, вдруг замечает их, и замирает

разинув от изумления рот, парик выскользывает из его руки) Ещё чуть-чуть выше, чуточку острее! Великолепно! Я даже слышу его запах! (Марианны заливаются смехом, переливы которого напоминают журчание чистого горного ручейка)

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ранний вечер. Несколько дней спустя. В гостиной произошли некоторые перемены: на дальнем окне появились шторы, цвет которых можно с одинаковым успехом определить как серый, так и голубой; стол теперь находится за левым креслом, груда журналов и бумаг выглядит более прибранной и аккуратной, железной дороги в гостиной больше нет. Валерио сидит за столом, который теперь освещён новой красивой настольной лампой; на нём бухгалтерские нарукавники, узел галстука ослаблен, он обрабатывает счета с помощью старого шумного калькулятора. Марианна в джинсах и рубашке сидит в правом кресле. Антонио примостился на корточках рядом с ней, держа в руках точно такого же плюшевого медведя, которого мы видели в первом акте.

АНТОНИО: (Показывая медведя Марианне) Это брат Кудряша.

МАРИАННА: Очень на него похож.

АНТОНИО: Они близнецы.

МАРИАННА: Правда?

АНТОНИО: Да, смотри! (Показывает ей Кудряша) Они абсолютно одинаковые.

МАРИАННА: Да, действительно. А как же его зовут?

АНТОНИО: Кудряш.

МАРИАННА: Его тоже?

АНТОНИО: Конечно, он же тоже кудрявый.

МАРИАННА: Как же ты их различаешь?

АНТОНИО: Интуиция. (Показывая ей Кудряша) Это Кудряш.

МАРИАННА: (Поднимая другого) А этот точно такой же.

АНТОНИО: Да, но этот вот - настоящий Кудряш.

ВАЛЕРИО: (Не отрываясь от работы) У него шнурок завязан на левой лодышке.

МАРИАННА: (Обращаясь к Антонио) Ах ты, обманщик! (Они оба смеются) Ишь ты, интуиция!

АНТОНИО: Моя мысль летит быстрее света. Правда, брат?

ВАЛЕРИО: (Продолжая работать) Да, когда свет выключишь. (Пауза)

МАРИАННА: Прямое попадание! В десятку.

АНТОНИО: (Взлетает своим самолётиком, гудит низки голосом) У-у-у-у-о-о-о-о.

МАРИАННА: Твой брат не хотел тебя обидеть.

ВАЛЕРИО: (Отрываясь от работы, очень серьёзно) Конечно, не хотел. Просто я всегда стараюсь экономить, поэтому люблю, когда свет выключен. (Неловкий смех) Когда я вижу включенный свет, бегу скорее его выключать...если он, конечно, не нужен, в противном случае, я первый иду его включать, правда, Тони, старина?

МАРИАННА: (Не обращая внимания на его слова, адресуясь к Антонио) Ты не хочешь познакомить меня со своими игрушками?

ВАЛЕРИО: Это элементарная бытовая экономность. (Очень довольный своим объяснением, возвращается к работе)

МАРИАННА: Сто лет, наверно, не играла в игрушки. Ужасно, скажи? В одно прекрасное утро просыпаешься, а твои игрушки, как будто чужие тебе, и ты их больше не замечаешь. Интересно, где сейчас все мои куклы?

АНТОНИО: У тебя их было много?

МАРИАННА: Да, около тридцати, наверно. А самую любимую звали Олимпиадой.

АНТОНИО: Олимпиада? Прекрасное имя. А почему?

МАРИАННА: Отец мне подарил её в день, когда начались Олимпийские игры. Он

придумывал имена всем моим куклам. Знаешь какие? Энеид, Илиада, Одиссей. (Антонио смеётся) Я называла их в честь сказочных героев, ну, знаешь, там, Аврора, Гризельда или Алиса....а он говорил, что это банально, а однажды говорит: “Давай, этого мы назовём - Хосе Антонио Саморанч....

АНТОНИО: Всё банально и взросло, полетай ночью просто.

МАРИАННА: И всё время меня о них спрашивал. “Как наши куклолки сегодня утром себя чувствуют? Хорошо ночью спали? А наши куклолки уже позавтракали?” И всё время возвращался домой с новой куклой.

АНТОНИО: Если бы Кудряш был там, они бы все забеременели.

ВАЛЕРИО: (Поднимая голову) Эй, эй, поаккуратнее там. (Барабанит пальцами себя по голове и возвращается к своему калькулятору)

АНТОНИО: Как представишь себе, сколько всего могло от них родиться: самолёты, мячики - бомбочки.

МАРИАННА: Бомбочки?

АНТОНИО: Да, как мой мячик. (Показывает ей свой мяч) Когда я стучу им об пол, он взрывается, как бомба. На, слушай! (Он ярсно стучит мячом об пол)

ВАЛЕРИО: Перестань, хватит!

АНТОНИО: Видишь? Соседи жалуются, а мой брат расстраивается. (Марианна хихикает)

ВАЛЕРИО: Марианна, прошу тебя!

МАРИАННА: Да мы же ничего не делаем.

ВАЛЕРИО: Ты не знаешь этих соседей снизу. Но боюсь, скоро познакомишься. (Продолжает работать)

МАРИАННА: (Вполголоса Антонио) Сядь поближе, так мы не будем ему мешать. (Оба садятся на пол рядом друг с другом)

АНТОНИО: Твой отец погиб в автокатастрофе?

МАРИАННА: Нет, мой отец жив. И мама тоже. Они не такие старые, я у них родилась, когда они были ещё совсем молодые.

АНТОНИО: Они спрашивают тебя, сколько будет семью семь?

МАРИАННА: Я с ними не живу. Уже давно. Я уже взрослая.

АНТОНИО: И ты собираешься замуж за моего брата? (Они оба поворачиваются и смотрят на Валерио, который поглощён работой)

МАРИАННА: Ещё не знаю. Там видно будет. Не надо торопиться.

АНТОНИО: (По секрету) Хочешь сбежать?

МАРИАННА: (С улыбкой) Может быть.

АНТОНИО: Тогда сейчас самый подходящий момент, все мои солдаты спят.

МАРИАННА: Ты очень сообразительный мальчик.

АНТОНИО: Тогда оставайся. Ты всегда можешь выйти за меня.

МАРИАННА: Почему бы и нет? Крик...крик...крик...

АНТОНИО: Крик...крик...крик...(Оба смеются)

ВАЛЕРИО: Что такое? Над чем это вы смеётесь? (Пауза) Марианна, что ты молчишь?

МАРИАННА: У тебя замечательный брат.

ВАЛЕРИО: Да? Очень хорошо, я рад, что вы становитесь друзьями. Что он тебе такое сказал? (Марианна не отвечает, Антонио прерывает неловкое молчание)

АНТОНИО: Я рассказал Марианне, что мои солдатики писают в свои каски. (Марианна хихикает)

ВАЛЕРИО: Ты можешь говорить о чём-нибудь другом, кроме как о писающих людях? Мы твоих солдатиков тоже, наверно, должны нарядить в памперсы! (Замирает, поражённый своим собственным остроумием. Затем, довольный собой, раздражается победным смехом и, потрясая в воздухе сжатыми кулаками, тем самым как будто говоря: "Я выиграл!" - Возвращается к работе)

МАРИАННА: (Поражённая его выходкой, в полголоса Антонио) Он сегодня немного нервничает. Будь снисходительней.

АНТОНИО: Я стараюсь...хотя бывают моменты, когда я готов плюнуть на всё и уйти. Но как я могу его оставить? У меня прямо сердце кровью обливается, как подумаю, как он без меня будет, бедняга! (Марианна раздражается смехом)

ВАЛЕРИО: Не могли бы вы мне объяснить, что там у вас происходит? Шушукаетесь, шушукаетесь, потом вдруг захихикаете как гиены!

МАРИАННА: А что вам не нравится?

ВАЛЕРИО: Да нет, ничего. Просто как-то странно, вот и всё. Мне интересно, что такого смешного вы нашли? (В неловкой тишине возвращается к работе)

АНТОНИО: (Шёпотом) А если бы ты сегодня увидела своих кукол, ты бы их узнала?

МАРИАННА: Да...я думаю, да.

АНТОНИО: И вспомнила бы их всех по именам?

МАРИАННА: Насчёт всех не знаю. Может быть...столько лет прошло.

АНТОНИО: А сколько?

МАРИАННА: О, много, очень много.

АНТОНИО: Зачем ты так сделала?

МАРИАННА: Что?

АНТОНИО: Ушла от родителей?

МАРИАННА: Захотела почувствовать себя свободной, как все дети этого хотят сегодня.

АНТОНИО: И ты не забрала с собой свои куклы?

МАРИАННА: Только сейчас начинаю понимать, какая это была ошибка.

АНТОНИО: Они же, наверно, громко плакали.

МАРИАННА: Боюсь, что так.

АНТОНИО: Как ты могла так поступить? Подумай об Олимпиаде, какое это было горе для неё! Это как, если бы я...я бросил Кудряша. Как бы он ужасно страдал. Потому что...ну, да, он шпион, есть у него такой недостаток, я не могу это отрицать...но мы с ним всё равно друзья. Когда мне захочется пить, он говорит: “ Ты хочешь пить”, - и я понимаю, что надо попить, а так я бы и не догадался. Если бы не Кудряш, я бы, наверно, уже умер от жажды! (Поднимает “брата-близнеца” Кудряша) Вот этому вообще до меня дела нет. Он учительский любимчик, всегда чистенький, послушный, всегда уроки у него выучены, но он думает только о себе, на меня ему вообще наплевать, и я, вот если он даже умрёт, - слезинки за него не пророню. (Отбрасывает от себя “брата-близнеца”) Но зато Кудряш - мой самый близкий, самый дорогой, самый лучший и верный друг. (Поднимает с пола Кудряша) Он всё про меня знает, а я про него. Мы с ним - вот так! (Сцепляет пальцы обеих рук в замок) Я с Кудряшом куда угодно пойду и в разведку, даже могу всю сибирскую тайгу на санках с ним проехать, и плевать на волков, которые будут за нами гнаться. (Он встаёт) А вот вы взрослые все бессердечные. У вас есть любимые куклы, а вы их бросаете. Вот где ты ещё найдёшь себе такую Олимпиаду? (По щекам Марианны текут слёзы) Ты плачешь? Значит, ты раскаеваешься. Мы расскажем об этом твоим куклам, и они простят тебя. Но лично я не уверен, что ты этого заслуживаешь.

ВАЛЕРИО: Что там у вас случилось? (Он встаёт из-за стола и подходит к Марианне) Почему ты плачешь?

МАРИАННА: Я не знаю, просто так.

ВАЛЕРИО: Что значит, просто так? Должна же быть какая-то причина. Минуту назад смеялась, а сейчас плачешь!

АНТОНИО: А это как дождик в солнечный день.

МАРИАННА: (Улыбаясь) Точно.

ВАЛЕРИО: (Подозрительно) Гм! А что это за Олимпиада такая?

АНТОНИО: Это была её любимая кукла.

ВАЛЕРИО: С таким вот именем?

АНТОНИО: Это её отец так её назвал.

ВАЛЕРИО: (Сидя на подлокотнике кресла гладит Марианну по волосам) Не принимай ты его бессмыслицу всерьёз. (Антонио пытается ударить брата, но Марианна его защищает)

МАРИАННА: Это не бессмыслица, это правда. (Антонио отступает назад)

ВАЛЕРИО: Послушай, если ты хочешь играть с ним в его игры, пожалуйста, играй на здоровье, я не возражаю. Но я не хочу, чтобы ты плакала. Я ему сейчас ототрву его наглуго носопырку! Потому что он всюду её суёт, куда не нужно. Ты пришла сюда ко мне, а не к нему! Понятно? (Он сильно толкает Антонио. Антонио едва сдерживается, чтобы не ответить)

МАРИАННА: Что ты делаешь?

ВАЛЕРИО: Он же хотел познакомить тебя со своими игрушками, правильно? (Антонио) Так иди, знакомь, и прекрати создавать неприятности. Давай, вон твоя башня, пароход, Бугатти, покажи, как ты с ними играешь, а мне дай закончить работу. Потом будем ужинать. (Марианне) Он руку тебе ещё не выкручивал? Он иногда проделывает это с малышами в садике. Заламывает им ручки, и отчёта себе не отдаёт, какая у него против них силища. Что ты молчишь?

МАРИАННА: Мне просто на минутку стало грустно. (Они не замечают, как Антонио занимает за столом место Валерио)

ВАЛЕРИО: Грустно! У тебя слёзы лились ручьём.

МАРИАННА: (Вытирая слёзы, Антонио) Давай дальше играть?

АНТОНИО: Нет.

ВАЛЕРИО: Вот, пожалуйста! Видишь, что он вытворяет?

МАРИАННА: Ты не хочешь больше играть?

АНТОНИО: Мне просто на минутку стало грустно.

ВАЛЕРИО: Теперь ты понимаешь, что я тебе пытаюсь втолковать? (Крутит пальцем у виска) Подскажи мне, что я должен с этим делать. Уговорами, лаской и терпением тут не справиться. Хочешь с ним по-хорошему, а он начинает из тебя верёвки вить.

АНТОНИО: Кро...кро...кро...

ВАЛЕРИО: Это ещё что такое?

АНТОНИО: Аляскинские сверчки. Они весят целый килограмм и делают так кро...кро... кро...

ВАЛЕРИО: (Насмешливо) Аляскинские сверчки! (Антонио бешенно стучит по калькулятору и разбрасывает по сторонам бумаги) Слушай, мне надо закончить работу! (Он бросается к Антонио, тот скрывается на кухне. Бумаги разлетаются по всей гостиной) Знаешь, сколько счетов я должен оплатить? Ни за что не поверишь! (Встаёт на колени и собирает бумаги)

МАРИАННА: При чём тут твои счета? Заладил...

ВАЛЕРИО: При чём тут счета? Ну, поскольку я их должен оплачивать, я думаю, я имею право говорить об этом. (Бросая поднятые с пола листки на стол) Вот они эти чёртовы счета, будь они прокляты!

МАРИАННА: Мы говорили об игрушках, я рассказывала про моих кукол.

ВАЛЕРИО: Ну, да, конечно! Олимпиада! Чемпионаты мира! Ничего смешнее не могла придумать.

МАРИАННА: Если бы ты мог помолчать минуту, может быть, ты бы смог услышать, что я тебе пытаюсь сказать.

ВАЛЕРИО: Я не глухой.

МАРИАННА: О, Бог ты, мой!

ВАЛЕРИО: Хорошо. Я глухой, я слепой! Я не буду замечать, как он заламывает тебе руку.

МАРИАННА: Ничего он не заламывал.

ВАЛЕРИО: Ах, вот так, да? И ты заплакала...просто, чтобы не скучно было!

МАРИАННА: Ты можешь секунду помолчать?

ВАЛЕРИО: Хорошо, хорошо, я слушаю, слушаю.

МАРИАННА: Я заплакала, потому что вдруг вспомнила своё детство.

ВАЛЕРИО: О, так ты тоже в детство впала!

МАРИАННА: В детстве я была очень мечтательной девочкой, и родители всегда мне говорили, что надо вернуться на землю. Чем выше я старалась взлететь в своих фантазиях, тем настойчивее они требовали: "Спустись на землю! Спустись на землю!" И вот я опускалась всё ниже и ниже, пока не очутилась здесь.

ВАЛЕРИО: (Он мало, что понял из вышесказанного. Он подходит к Марианне) Ты хочешь сказать, что тебя не интересует наш семейный бизнес?

МАРИАННА: Бизнес?

ВАЛЕРИО: (Опускается на колени рядом с её стулом) Послушай, дела идут не так уж и плохо. Доходы резко возросли за этот год, это видно по счетам, которые я сейчас просматривал. И это всё благодаря фото-ксероксам. Фото-бизнес - очень хороший бизнес. Мы сегодня стали есть меньше хлеба, пить меньше молока, но зато стали печатать горы фотографий. (Потрясает сжатыми кулаками, как будто говоря этим: " Мы победили!") Ну, тебе уже лучше? Я тебя хоть немного развеселил? (Марианна улыбается. Они не видят, как Антонио возвращается в гостиную и прячется за креслом.) Интересно, куда он мог спрятаться?

АНТОНИО: (Высовываясь из-за кресла) Кранк, кранк...немецкие сверчки.

ВАЛЕРИО: (Поднимаясь с колен) Так. Всё. Отлично. Познакомь её с немецкими сверчками, которые делают кранк, кранк, а потом будем ужинать. (Марианне) Потерпи его ещё пять минут. (Возвращается к работе)

МАРИАННА: (Ползёт на четвереньках к Антонио, который прячется за креслом) Крик...крик...не помешаю?

АНТОНИО: Кранк...кранк...вовсе нет.

МАРИАННА: Грусть прошла?

АНТОНИО: Да, но теперь здесь чешется. (Показывает на левую лопатку)

МАРИАННА: Давай, я почешу, хочешь?

АНТОНИО: У меня сердце чешется. Хороший знак...значит близится Рождество. (Он смеётся)

МАРИАННА: Я, кажется, тоже начинаю чувствовать тоже самое.

АНТОНИО: Ты должна сама себе почесать.

МАРИАННА: А как ты чешешь своё сердце?

АНТОНИО: Я сейчас тебе покажу.

МАРИАННА: Ты знаешь, как?

АНТОНИО: Конечно, Кудряш меня научил. Смотри: поднимаешь руку, вот так. (Он поднимает руку) Давай, поднимай! (Марианна тоже поднимает руку)

ВАЛЕРИО: Эй, что вы опять там делаете?

АНТОНИО: А теперь говори лобстер, пока не перестанет чесаться. Давай, говори!

МАРИАННА: Лобстер.

АНТОНИО: Ты не один раз скажи, а десять, может, двадцать раз. Лобстер, лобстер, лобстер...

МАРИАННА: Лобстер, лобстер, лобстер...

АНТОНИО: Вот так, продолжай....Лобстер, лобстер думай о лобстерах.

МАРИАННА: (Валерио, который с изумлением на них смотрит) Давай, скажи лобстер!

ВАЛЕРИО: Я? Зачем?

МАРИАННА: О, зачем, да зачем, да почему! Просто скажи!

ВАЛЕРИО: (Сдаваясь) Ну, лобстер.

МАРИАННА: И улыбайся! (Возвращается в игру, Валерио качает головой) Лобстер! Лобстер!

АНТОНИО: Очень хорошо! Перестало?

МАРИАННА: Да!

ВАЛЕРИО: Что перестало?

МАРИАННА: Сердце чесаться. У тебя что, никогда такого не было, что ли? Невероятно!

ВАЛЕРИО: Прошу прощения. Желудок у меня побаливает, ухо однажды болело, зубы ноют.

АНТОНИО: Потому что ты обыкновенный, среднего здоровья взрослый. (Валерио пожимает плечами и продолжает считать на калькуляторе)

МАРИАННА: Спасибо, что показал мне этот способ.

АНТОНИО: Это не мне, ты лучше Кудряшу спасибо скажи.

МАРИАННА: Хорошо, поблагодари его от моего имени, пожалуйста. Когда ты с ним в следующий раз увидишься?

АНТОНИО: (С видом бывшего) На самом деле мы увидимся сегодня вечером.

МАРИАННА: Сегодня вечером?

АНТОНИО: Да, мы с ним собираемся в Трокадеро. Знаешь, что это такое?

МАРИАННА: Нет, никогда там не была.

АНТОНИО: Да, вообще, ничего особенного, Трок, знаешь, неплохое местечко, пропустишь пару стаканчиков, девочки, если хочешь, можно пообщаться...Кудряш там свой парень, всех знает.

МАРИАННА: Так вы себе там что-то наметили?

АНТОНИО: Не знаю, как получится, но я не хочу говорить заранее, чтобы не сглазить.

МАРИАННА: Понимаю. Ну, тогда, на всякий случай... (Она скрещивает пальцы на обеих руках)

АНТОНИО: (Делая тоже самое) Что бы не случилось, мы отправимся по морю. Ненавижу летать.

МАРИАННА: Я тоже. Морем лучше.

АНТОНИО: Намного, намного, намного лучше.

МАРИАННА: (Поднимаясь) Валерио...

ВАЛЕРИО: (Не поднимая головы) Лобстер.

МАРИАННА: (Смеясь) Нет. Не возражаешь, если я...(Она кивает в сторону кухни)

ВАЛЕРИО: О, конечно, пожалуйста. Спасибо.

МАРИАННА: Ты проголодался?

ВАЛЕРИО: Да, пожалуй...не отказался бы перекусить...работа возбуждает аппетит.
(Марианна идёт на кухню)

АНТОНИО: (Идёт покачиваясь) Аааа...я чувствую палубу под ногами!...(Делает глубокий вдох) земли не видно...и волосы развеваются на ветру! Кто бы ещё мог такое придумать, Кудряш, а? Все Трокадерийские девушки у нас на борту!...Капитан!...круче на правый борт! У-у-у-у-о-о-о-о!...Дуй, северозападный, дуй!...(Он продолжает изображать порывы ветра, пока Валерио продолжает стучать на калькуляторе и...

МЕДЛЕННО УХОДИТ СВЕТ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Несколько дней спустя. Полдень. Антонио старательно что-то выводит в школьной тетрадке. На другом конце стола Валерио играет в шахматы с компьютером. То и дело слышится «биип» из компьютера. Антонио неожиданно со всей силы стучит кулаком по столу.

АНТОНИО: Э-х-х-х!

ВАЛЕРИО: (Защищая качающиеся фигуры) Э-э-э, аккуратнее!

АНТОНИО: Опять ошибку сделал. Забыл удвоенную согласную написать. (Показывает Валерио страницу тетрадки)

ВАЛЕРИО: Ты ломаешь мне всю партию! (Антонио комкает страницу тетради) А я нацелился на мат в три хода. (Антонио бросает скомканный лист в шахматную доску, фигуры разлетаются в разные стороны)

АНТОНИО: Шах и мат!

ВАЛЕРИО: О, нет! Ну ты, засранец! (Собирает фигуры, некоторые из которых упали на пол)

Я тебе их сейчас в глотку затолкаю!

АНТОНИО: (Широко раскрывая рот, как при кормлении) А-а-а-а!

ВАЛЕРИО: У меня такая выгодная позиция была. (Пытается по памяти восстановить партию, но у него это плохо получается) Я уже до четвёртого уровня дошёл!

АНТОНИО: Я не умею писать.

ВАЛЕРИО: О, перестань!

АНТОНИО: Я не знаю, как написать «четвёртый уровень». У меня друг в Америке. Надо сообщить ему, что я выиграл четвёртый уровень на твоей шахматной электронной шарманке, тогда я ему лучше сейчас позвоню. Понял? По телефону! (Заглядывая себе под рубашку) Алло? Алло? Хенк дома? А Спайк? А Клинт?

ВАЛЕРИО: Слушай ты, Клинт, ты никогда не выиграешь четвёртый уровень у этой машины, даже если сто лет играть будешь. Понял? Какой там четвёртый, ты второй-то не пройдёшь, впрочем, как и первый. Единственное во что ты можешь выиграть, так это в «чапаевцев»

АНТОНИО: Это неправда. Я один раз у тебя выиграл.

ВАЛЕРИО: Угу. Потому что я тебе поддался.

АНТОНИО: (После паузы) Не знаю, по-моему, детки перестали быть для взрослых Божиим благословением. Когда-то так считалось, так написано в «первостраничной книге». Раньше взрослые учили деток всяким вещам, передавали им накопленную мудрость. Как ловить ёжиков, например. Сеять ли пшеницу когда полнолуние или, когда только родился месяц. Почему нельзя закатывать в банки помидоры на сильном ветру.

ВАЛЕРИО: (Саркастически) Угу, у кого волосков больше у кошечек или у собачек? Кто тяжелее, слон или три гиппопотама?

АНТОНИО: У тебя есть какие-нибудь секреты, чтобы мне передать? Вот, например, ты знаешь, как написать удвоенную согласную? Можешь мне показать?

ВАЛЕРИО: У тебя проблемы с письмом не потому, что ты не знаешь, как это делается, а потому что ты забыл. Помнишь, что доктор сказал? Тебе трудно восстановить какие-то навыки, потому что ты сам этого не хочешь.

АНТОНИО: Ты хочешь сказать, что кто-то внутри меня говорит, нет, когда я говорю да?

ВАЛЕРИО: Можно и так сказать. (Он продолжает играть)

АНТОНИО: Значит, когда Кудряш говорит, нет, Кудряш ему отвечает, да?

ВАЛЕРИО: Точно. А сейчас, давай, будь хорошим мальчиком и напиши слово гиппопотам десять раз подряд. С двумя «п». (Произнося по слогам) Гип-по-по-там.

АНТОНИО: А ты, правда, мне тогда поддался?

ВАЛЕРИО: Правда. Извини, я не хотел тебе говорить, у меня само это вырвалось.

АНТОНИО: Почему?

ВАЛЕРИО: Потому что иногда детей надо ублажать. Помнишь, как ты тогда обрадовался?

АНТОНИО: А ты хочешь знать, по-правде, почему ты тогда поддался?

ВАЛЕРИО: Интересно, давай, послушаем.

АНТОНИО: Потому что понял, что я всё равно выигрываю. И чтобы не проиграть, ты мне и поддался.

ВАЛЕРИО: (С неуверенным смехом) О-хо-хо-хо...значит, вот так оно было, да?

АНТОНИО: Ты сейчас посмеялся таким зелёным поносным цветом.

ВАЛЕРИО: Ладно, заткнись и пиши своих гиппопотамов!

АНТОНИО: Я съел тогда твою королеву.

ВАЛЕРИО: Потому что я тебе её сам подставил.

АНТОНИО: Э, нетушки! Потому что я быстро думаю, со скоростью света. Я только услышал твоё «ай-а», ты только успел сказать своё «ай-а», даже нет, ты даже не успел сказать «ай-а», а только приготовился, что-то булькнуло у тебя там, в горле, а я услышал! Ты даже не успел понять, что твоя королева в опасности. Потому что ты играешь по правилам, это можно делать, это нельзя. А мне на них наплевать. Когда я слышу «правило», вот как я с ним поступаю: «Ты правило, да? Ба! Тарарах!» (Бьёт себя по животу) Давай, выходи, покажи себя, тоже мне, правило, покажи свою храбрость!(Валерио закрывает уши руками, пытается сосредоточиться на игре) Всё, ну, паршивое правило, получай! Вот тебе! Вот, тебе! (Он бьёт себя по лицу и гримасничает) Ну, узнаёшь его теперь, узнаёшь? Я ем твою королеву, а ты говоришь «ай-а»! Даже не успеваешь сказать, но я уже слышу! Потому что я думаю крик, крик, я вижу крик, крик, я слышу крик, крик. Ты не успеваешь опомниться, и я...ам-м-м-м-м! Твою королеву! Я выиграл Чемпионат Мира крик, крик!

ВАЛЕРИО: Ну, если тебе от этого легче, пусть будет так, продолжай так думать. Но сделай мне одолжение, посиди тихо!

АНТОНИО: Я должен научиться писать, тогда я смогу составить список секретов, которые потом передам по наследству своим потомкам. Я обойду весь мир, и найду прабабушек и прадедушек, которые знают, сколько нужно мешков хмеля, чтобы сварить бутылку пива. (Продолжает писать в тетрадь) Гиппппопотам...первосстраничная...

ВАЛЕРИО: Нет, в первостраничной только одна с.

АНТОНИО: А, чем больше, тем веселее. Обббобразование, матеммматика...(Слышно, как открывается входная дверь)

ВАЛЕРИО: А вот и Марианна.

АНТОНИО: Она открррывает дверь, проходит по коррридору, и вотонавотонавотоназдесь!(В арке появляется Марианна, на её плечи накинута красная шаль, она перекрасилась в блондинку)

МАРИАННА: Привет! (Валерио теряет дар речи)

АНТОНИО: (Смеётся тонким голосом) Золотой смех в двадцать четыре карата! (Бросается к Марианне с объятиями, она, со смехом, ускользает от него, заходя за стол. Антонио настигает её и нежно берёт её левую руку. Ошарашенный Валерио, за всем этим наблюдает) Да, да, дада...да, да, да...дада...(Он напевая свадебный марш, надевает на неё воображаемое обручальное кольцо. Они оба смеются) Без разговоров, ты можешь ходить одна куда захочешь, встречаться с подругами, ходить по магазинам, я не возражаю, обещаю, я тебе слова не скажу! (Он от неё отворачивается, достаёт из кармана зеркальце и начинает её

рассматривать, как это было в первом акте)

МАРИАННА: (Валерио) Как я выгляжу?

ВАЛЕРИО: Ты же говорила, что тебе не идёт быть блондинкой.

МАРИАННА: Ну, мне тогда было шестнадцать, что я могла понимать? А сейчас мне нравится.

АНТОНИО: (Глядя в зеркало) Конечно, надо будет отпустить их подлиннее, специально для северо-западного ветра. Марианна согласится, стоит только попросить её об этом.

ВАЛЕРИО: Если бы я тебя попросил, ты бы этого не сделала.

МАРИАННА: Ты ведь не ревнивый, нет? Я сделала это, чтобы доставить удовольствие всем, включая себя. (Идёт на кухню и возвращается с яблоком)

АНТОНИО: Знаешь, что я тебе скажу, брат? Есть женщины, которые источают аромат желаний, ты сразу ведёшься, распускаешь хвост, но только попробуй к ним прикоснуться! Они выскальзывают из рук, как мыло, и захлопывают перед твоим носом дверь. (Двусмысленный смех) И ты остаёшься один на берегу, наблюдая за недоступной русалкой, держась руками, угадай за что? А она только смеётся и плывёт себе заниматься любовью с дельфином. Прекраснейшая наяда всех семи морей! (Непристойно смеётся, и поворачивается лицом к Марианне. Ей всё это не нравится)

МАРИАННА: Зачем ты так говоришь? Перестань, пожалуйста! (Она садится рядом с Валерио)

АНТОНИО: Бери от жизни всё, моя крошка. “Ma petite”...(Сладострастный смех) Пока не поздно...пока не поздно. (Он садится на правое кресло, держа в руках Кудряша. Марианна ест яблоко)

ВАЛЕРИО: (Марианне) Он всегда был немного вульгарным...раньше. Слегка развращённым. И вот сейчас у него вдруг регрессия случилась. Не буду отрицать, у него есть и свои хорошие стороны. (Антонио смеётся) Да, кроме шуток! Ведь он умудрился двум девушкам ребёнка заделать. Одной во Франции, когда он жил там год во времена своей ранней юности. Он тогда всё художника из себя изображал. Потом встретил Элизабет и немного вроде поуспокоился. Но всё равно он всегда был неприспособленным никчемушником, на которого никогда ни в чём нельзя положиться. Постоянен он всегда был только в одном: ему всегда нравились блондинки.

МАРИАННА: А тебе - нет?

ВАЛЕРИО: (Беря её за руку) Ты мне нравишься в любом виде...тёмненькая, светленькая, какая угодно. Ты мне нравишься, потому что ты, это ты. Даже если бы ты была вся седая. (Марианна смотрит на него с удивлением) Да, иногда я представляю тебя такой. Седой, как снег. Тебя это удивляет? А я часто фантазирую, какая ты будешь в старости. И я тоже. Прекрасная пожилая пара. И, знаешь, ты не за что не поверишь, но я становлюсь счастливым от этого, как мальчишка!

МАРИАННА: Вот как?

ВАЛЕРИО: Да. Лицо само расплывается в улыбке, как у Чеширского кота! (На лице появляется вымученная улыбка)

МАРИАННА: Да, зачем думать о старости? Думай о бабочках, о божьих коровках...думай

обо мне, пожалуйста, как о ещё совсем юной! Представляй, как я собираю цветы, поедая мороженое! (Она относит на кухню огрызок яблока)

АНТОНИО: (Вставая с кресла) В садах полным полно нор. Я насчитал их больше тысячи. Среди них попадаются и щеглиные. (Марианна возвращается) Стой, не двигайся! (Он делает свой осмотр через зеркальце) Не поворачивайся! Всё. Твои губы замёрзли. Glac'es! Это убийственно для цветов. Не шевелись, я сейчас вернусь. Я схожу за ветром, за ветром суховеем. (Он идёт по коридору налево, продолжая смотреть в зеркальце. Через мгновение раздаётся звук разбивающегося зеркала)

ВАЛЕРИО: Приехали! Ещё семь лет невезенья!

МАРИАННА: Ты веришь в приметы? (Она гладит его)

ВАЛЕРИО: Впервые за последнее время, ты нежна со мной.

МАРИАННА: Ты же сам знаешь, как это нелегко. Когда им занимаешься, то забываешь обо всём, и мне трудно переключиться на тебя, на нас.

ВАЛЕРИО: Это потому что ты настроилась его вылечить.

МАРИАННА: Неправда.

ВАЛЕРИО: Нет, правда. Может быть, ты и сама не подозреваешь об этом, а я знаю точно. Но его нельзя вылечить, за ним можно только ухаживать, как за ребёнком, потому что он неизлечимо болен.

МАРИАННА: А я не так уверена в этом, как ты. Бывают моменты...

ВАЛЕРИО: Это мнение врачей, а не моё.

МАРИАННА: Он такой непредсказуемый. Он меня совсем запутал, и я всё время о нём думаю, как наваждение какое-то.

ВАЛЕРИО: Ты знаешь, все сумасшедшие - непредсказуемые. Хочешь, я тоже попробую? Это очень легко, просто открываешь окно, выбрасываешь на улицу холодильник и кричишь: “Луна - голубая!”...И ты сразу становишься интересным. Потому что именно это ты имела в виду, когда сказала “непредсказуемый”. Ты имела в виду - интересный. Чтобы женщины нашли тебя привлекательным, ты должен написать в штаны и сказать, что луна - голубая. “Луна - голубая! Я люблю тебя! Луна - голубая!” Ах, какой интересный мужчина! Какой непредсказуемый! (Он обнимает её) Хорошо, Марианна, луна - голубая....но...со странными жёлтыми подпалинами в отдельных местах.

МАРИАННА: А я и не знаю, плакать мне, или смеяться.

ВАЛЕРИО: Если ты собираешься надо мной смеяться, я бы лучше предпочёл, чтобы ты заплакала. Никогда не заставлял женщину плакать, это, должно быть, очень волнительно.

МАРИАННА: Обними меня крепче.

ВАЛЕРИО: Крепче, чем сейчас?

МАРИАННА: Так крепко, насколько ты можешь.

ВАЛЕРИО: Я боюсь, тебе будет больно.

МАРИАННА: Я не такая хрупкая. Стисни меня.

ВАЛЕРИО: Вот так?

МАРИАННА: Ещё крепче. Что есть силы.

ВАЛЕРИО: Это и есть вся моя сила.

МАРИАННА: Сильнее ещё!

ВАЛЕРИО: Крепче, чем изо всех моих сил? (Делает последнее усилие) Уф! (Он ослабляет объятия и поднимает её лицо) Ты не выглядишь очень счастливой.

МАРИАННА: (С виноватой улыбкой) Мне кажется, я сама не знаю, чего хочу.

ВАЛЕРИО: Для начала, захотела бы меня.

МАРИАННА: Мне почему-то страшно. Я тебя так мало знаю. И не потому что мы познакомились с тобой не так давно, а потому, наверное, что я не знаю, как тебя узнать. Твою сердцевину. Мне слишком легко вскружить голову. “Спустишь на землю! Спустишь на землю!”

ВАЛЕРИО: Я не совсем понимаю, что именно с тобой творится, но я точно знаю, что это связано с моим братом. Все эти его олимпиады, бессвязные речи, которые кажутся, чуть ли не философией какой-то. Я сам по-началу купился на это, но потом, слава Богу прозрел. Он посеял маленькое зёрнышко у тебя прямо вот здесь. (Постукивает пальцем Марианне по лбу) Смотри, чтобы оно не проросло в чудовищный плод, который завоюет весь твой мозг!

МАРИАННА: (Сидя в правом кресле) Я жила обыкновенной жизнью, сотканной из простейших желаний и элементарных понятий, которые мне внушили мои родители. Не вдаваясь в подробности, я дважды была обручена, потом у меня было несколько любовников, но я никогда не испытывала настоящей страсти. До тебя я ни с кем подолгу не встречалась... всё никак не могла выбрать. Мне всё время хотелось отступить назад и... ты понимаешь, посмотреть на себя со стороны. Но я становилась от этого всё бесстрастней и независимей...наблюдая за собой с огромной высоты, как будто с вертолётa, и вдруг разглядела подкрадывающееся ко мне неминуемое сихийное бедствие, под названием одиночество. “Спустишь на землю, спустишь на землю!” Меня приучили думать, что одиночество это - бедствие.

ВАЛЕРИО: (Сидя на подлокотнике её кресла) И поэтому ты стала встречаться со мной?

МАРИАННА: Я стала присматривать себе мужа. (Она шлёпает его по колену) Как все нормальные девушки делают. Неужели и моя бедная больная головёнка наконец-то поняла, что иначе не выжить?

ВАЛЕРИО: Так давай, попробуем выживать вместе. Я - торговец канцелярскими принадлежностями, средних лет и у меня тоже головных болей хватает.

МАРИАННА: А ты был такой правильный. Добрый, нежный, честный, ну и что, что брат больной, но зато материально обеспеченный...свой магазин, хорошая квартира...я вполне могла бы на тебя положиться. И ты помог бы мне не слишком высоко отрываться от земли. (Она целует его в губы и в этот момент входит Антонио, одетый в свой старый костюм)

АНТОНИО: (Застёгивая пиджак) Немного тесноват, но не слишком. Просто надо перешить пуговицу...правильно, Элизабет?

ВАЛЕРИО: Не отвечай.

АНТОНИО: (Властно) Я прав, Элизабет?

МАРИАННА: (Вставая) Да...пуговицу. (Валерио расстроено машет рукой)

АНТОНИО: (Как заправский мачо) Брюки немного выпустить. Есть на чём записать?

ВАЛЕРИО: (Агрессивно) Бумага и ручка на столе.

АНТОНИО: (Не обращая на него внимания) Отлично. Записывай. Два с половиной сантиметра - брюки. Записала? И перешить пуговицу на сантиметр...нет, можно даже на полтора, с запасом. А, вообще как он смотрится?

МАРИАННА: Супер. Как на тебя шитый.

АНТОНИО: (Пытаясь рассмотреть себя сзади) Есть в этом доме зеркало?

ВАЛЕРИО: Одно было. Куда ты его дел?

АНТОНИО: Нигде не могу его найти. Ты его не видел? Маленькое зеркальце в чёрной рамке, когда оно падает. то делает так: “Дзиньбьк!” Никто его не видел? (Марианне) Это был твой любимый костюм, помнишь? Я не очень-то поправился. На хлебе и помидорах не растолстеешь. (Роеся в карманах) А это, что такое? (Находит старую фотографию) Ох, ты, здрасьте, пожалуйста!

ВАЛЕРИО: Что это?

АНТОНИО: Это мы. Я и моя маленькая блонда.

МАРИАННА: Можно посмотреть? (Она делает шаг к нему)

АНТОНИО: Нет! (Рвёт фотографию на куски) Она чёрно-белая. (Засовывает кусочки фотографии себе в рот и жуёт) Когда я ем, я глух и нем. (Проглатывает) М-м-м-м-м, у-у-у-а! Всё, у нас больше нет таких фотографий...(Улыбаясь Марианне) Потеряла дар речи?! Я его тебе найду. И принесу...на содранных коленях приползу. (Он смеётся, хватая Марианну за руку и тащит в арку. Они оба оборачиваются на Валерио, позируя как для фотографии) Приготовились? Сейчас вылетит птичка! Чи-и-и-з-з-з! Есть! (Они оба смеются) Признайся, брат мой...мы ведь красивая пара? (Они на мгновение застывают)

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ.

Воскресный вечер, за окном уже темно. На столе ваза с цветами. Валерио сидит перед телевизором. Единственное освещение гостиной – экран включённого телевизора. Диктор объявляет результаты футбольных матчей, Валерио заметно нервничая, рассеянно его слушает. Через какое-то время вскакивает и идёт к телефону, но, не успев взять трубку, поворачивает назад, и несколько секунд бесцельно бродит по гостиной, потом вглядывается в циферблат часов и снова садится на своё место. Диктор монотонно продолжает перечислять результаты игр. Валерио снова встаёт, идёт к телефону и начинает набирать номер. Набрал две цифры, кладёт трубку и выходит на террасу. Наклонившись, всматривается в темноту. В этот момент раздаётся дверной звонок. Он звучит вызывающе, с длинными резкими периодами. Потом поворачивается ключ в замке, дверь открывается, и слышен смех Антонио и Марианны.

АНТОНИО: (Из коридора) Динь, динь, динь! Есть кто-нибудь дома? Можно войти? Надеюсь, мы не помешали! (Марианна прыскает от смеха) Время для чая или для кофе?

МАРИАННА: (Из коридора) Кто-нибудь знает, который сейчас час? (Взрыв смеха)

АНТОНИО: (Из коридора) Бра-а-ат!!! (Хором) Валерио!!!

МАРИАННА: (Из коридора) Он выключил весь свет.

АНТОНИО: (Из коридора) Не включай, а то он нас убьёт.

МАРИАННА: (Из коридора) Правильно! Это элементарная бытовая экономия! (Они со смехом входят в гостиную, с нарочитым весельем, может быть слегка навеселе) Его здесь нет. Он нас бросил!

АНТОНИО: Разве можно его простить! Он должен был раньше затормозить.

Валерио хватается вазу с цветами и швыряет её им под ноги, она вдребезги разбивается. Марианна от неожиданности взвизгивает.

МАРИАННА: А, вот ты где! (Валерио включает свет)

АНТОНИО: (Глядя на осколки, разлетевшиеся по всей гостиной) О, брат мой, что ты наделал? Теперь ты должен всё здесь подмести, помыть пол и насухо его протереть... (Он хихикает)

ВАЛЕРИО: Хватит смеяться!

МАРИАННА: Никто не смеётся.

АНТОНИО: Это - чистая правда, брат. Я обошёл всех соседей, они все серьёзные, как черти.

ВАЛЕРИО: Закрой рот! (Марианне) Где вы были? Почему вы так поздно?

МАРИАННА: А-а-а, так ты собираешься закатить нам скандал по полной программе, да?

ВАЛЕРИО: Почему бы, и нет? (Антонио смеётся) А ты помолчи, пока!

(Антонио садится перед телевизором. С этого момента из телевизора начинают доноситься разные голоса и звуки из разных каналов, которые Антонио, не переставая, переключает) Я ждал, и ждал, и ждал, а от вас ни слуху, ни духу. Три часа, четыре, пять... а сейчас уже почти восемь. Что я должен был думать? Скажи мне ты, потому что, будь я проклят, но я не мог ничего придумать.

МАРИАННА: Да, думай, что ты хочешь! Если ты такой тугой, меня это вообще меньше всего интересует.

ВАЛЕРИО: Ах, значит я тугой, да? Ну, тогда, давай прямо сейчас раз и навсегда обо всём договоримся!

АНТОНИО: (Смеётся) Тугой, тугой, тугой!

ВАЛЕРИО: Я тебя, кажется, попросил помолчать!

МАРИАННА: Я тебе даже больше скажу. Прямее прямого и бесповоротно. Так вот, слушай меня, ваше тугое величество, на этот раз я действительно ухожу. (Она направляется в сторону коридора, Валерио преграждает ей путь)

ВАЛЕРИО: Вы ушли в половине третьего, сказали, за мороженым.

МАРИАННА: Я сказала, я ухожу.

ВАЛЕРИО: Вы должны были вернуться через полчаса, и потом мы собирались все вместе сходить в кино, как обычно по воскресеньям.

МАРИАННА: Мы передумали. Мы про тебя забыли. Был чудный день, а в такие чудные дни я про тебя забываю.

ВАЛЕРИО: Ты могла хотя бы позвонить.

МАРИАННА: У меня не было мелочи.

ВАЛЕРИО: Ах, вот так, да? Мелочи не нашлось! Ну, за шесть-то часов, могла бы зайти в какой-нибудь магазин, да разменять. Или карточку купить, или по кредитной карточке позвонить. Автоматы сейчас чего только не принимают, шпильку бы свою вставила, и то получилось бы, если бы ты хотела позвонить,...если бы действительно захотела!!! (Антонио прибавляет громкости)

МАРИАННА: Значит, я не хотела, как и твой брат.

ВАЛЕРИО: Моего брата, только не впутывай в это! (Антонио) Убери ты эту громкость! (Антонио прибавляет громкости ещё больше) Я сказал, сделай потише, ты, клоун! (Он бросается к Антонио, чтобы забрать у него пульт, но тот заламывает ему за спину руку. Звук телевизора становится тише. Валерио ёрзает в кресле, корчась и вскрикивая от боли. Антонио наклоняется над ним)

АНТОНИО: Хочешь, чтобы я тебе сломал руку, а? Ты этого хочешь, да?

МАРИАННА: Нет! Отпусти его! (Антонио заламывает руку сильнее, Валерио опять вскрикивает) Отпусти его, пожалуйста. (Антонио отпускает его руку. Марианна приглушает звук телевизора)

АНТОНИО: Её благодари. (Он играет мышцами, как бодибилдер, затем снова садится перед телевизором. Валерио присаживается к столу, потирая руку. Марианна подходит к нему и нежно кладёт руку ему на плечо)

МАРИАННА: Он сделал тебе больно?

ВАЛЕРИО: Ты слышала, что он сказал. Я должен тебя поблагодарить. Так, вот, спасибо тебе, большое, Марианна. Спасибо за прекрасный воскресный день. Я бы сказал, за незабываемый день.

МАРИАННА: (После паузы) Мы долго гуляли в парке. Там был такой приятный нежный свет. Мы шагали по разноцветному ковру из опавших осенних листьев, багряных, коричневых, золотых...Он разговаривал, и совершенно не выглядел ненормальным, и совсем не казался ребёнком. А может быть, это я вошла в его мир и поняла, как мне хорошо в нём, настолько, что я счастлива в нём оставаться как можно дольше. Всё было как во сне, который мне часто снился в детстве; о мужчине, с которым я теряю чувство времени. День клонился к закату. Мы вышли из парка, и он сказал, давай, пойдём туда, давай, пойдём сюда...удивительно, как хорошо он знает город.

ВАЛЕРИО: Вот и прекрасно! Просто замечательно! Вы составите блестящую пару. Мои поздравления, вы, наконец, отыскали своего очарованного принца. Когда же наступит знаменательная дата? Да, кстати, вы не возражаете, если я здесь останусь, или вы предпочитаете иметь в своём распоряжении все апартаменты целиком?

МАРИАННА: Ты ни слова не понял из того, что я тебе сказала. Как мне тебе объяснить...?

АНТОНИО: Извините, пожалуйста, вы не могли бы говорить чуть-чуть потише? В противном случае мне придётся прибавить громкость.

ВАЛЕРИО: Да, да, мы не должны мешать хозяину дома. (Понижая тон, обращаясь к Антонио) Я дико извиняюсь.

АНТОНИО: Ничего страшного. (Валерио встаёт и идёт по направлению к кухне)

МАРИАННА: Как я могу объяснить тебе то, в чём сама ещё до конца не разобралась?

ВАЛЕРИО: О, на самом деле всё очень просто. Всё, что тебе нужно, это иногда посматривать на часы. (Заходит на кухню) Вас не было дома семь часов. За семь часов можно добраться до...Стамбула. (Возвращается с веником и совком и начинает подметать осколки)

МАРИАННА: Даже ещё дальше, если захотеть. Твоё прошлое находится гораздо дальше, чем Стамбул. За последние несколько дней я преодолела огромные расстояния. Ты сам когда-нибудь пробовал это сделать? Ты даже представить себе не можешь, сколько всего можно найти на обочине этого пути. Массу вещей, которые мы оставляем у себя за спиной! Идёшь назад, всё дальше, дальше и дальше, где все твои куклы лежат вдоль железнодорожной насыпи. И вспоминаешь их имена, одно за другим, пока не вспомнишь все, до единого! Безумие, да? Имена людей...какие-то всплывают в памяти, какие-то нет. Это может показаться странным, но чьи-то имена я забыла навсегда.

ВАЛЕРИО: Меня зовут – Валерио, на всякий случай, если...

МАРИАННА: Так же я никак не могу вспомнить голоса. Закрываю глаза, затыкаю уши, сосредотачиваюсь, как безумная, но всё бесполезно. Это самое первое, что забывается. И лица. Они приходят и уходят, в какой-то момент видишь, а в следующее мгновение их уже нет. Если удаётся связать их с одеждой, может, с галстуком, есть какой-то шанс, но вспомнить просто лицо, поверх обнажённого тела практически невозможно.

ВАЛЕРИО: Я тебя помню прекрасно.

МАРИАННА: Сейчас, да. А через год?

ВАЛЕРИО: Через год я окажусь в палате для лунатиков, а ты выйдешь замуж за очарованного принца...и вы поселитесь в Стамбуле. (Он идёт на кухню)

АНТОНИО: Марианна?

МАРИАННА: Да?

АНТОНИО: Не могла бы ты принести мне чашечку чая?

ВАЛЕРИО: (Возвращается из кухни, причёсываясь) О, мы уже в домашних тапочках и за чаем, да? Ты не сказал, сколько тебе кусочков сахара.

АНТОНИО: Не слишком крепкий, пожалуйста. (Продолжает смотреть телевизор)

ВАЛЕРИО: (Марианне) Ну? Чего мы ждём? Почему не торопимся?

АНТОНИО: Дождусь я когда-нибудь чая?

МАРИАННА: (Подыгрывая ему) Минуточку, я только поставила чайник.

ВАЛЕРИО: (С сарказмом) Мне покрепче, пожалуйста.

АНТОНИО: Я люблю, чтобы было побольше молока. Чайник кипит! Смотри, не перекипяти

его слишком. Достаточно. Вот так, да, два кусочка. Теперь, помешайте, если не трудно. Прекрасно. Спасибо. (Пьёт из воображаемой чашки) Ой, какой он горячий!

МАРИАННА: Подуй!

АНТОНИО: (Дует и прихлёбывает) М-м-м-м, так-то лучше. Превосходный чай. Ты должна рассказать мне, как ты его завариваешь, у меня никогда не получается такой вкусный. (Сцеживает последнюю каплю) А-а-а! Вот чего мне не хватало для полного счастья.

МАРИАННА: Я тебе ещё кое-что не сказала.

ВАЛЕРИО: Да, я и так знаю, что вы оба - законченные психи.

МАРИАННА: Мы ходили в кино.

ВАЛЕРИО: (Грустно) Без меня!

МАРИАННА: В Арлекин.

ВАЛЕРИО: В Арлекин! Там же порно-фильмы крутят.

МАРИАННА: Ты сам однажды хотел меня туда сводить.

ВАЛЕРИО: И ты тогда отказалась, сказала, что стесняешься.

МАРИАННА: С ним всё было иначе, это было, как игра, невинная игра, попробуй понять это!

ВАЛЕРИО: О, я прекрасно вас понимаю. Вы просто парочка грязных извращенцев. Которые любят этим заниматься среди бела дня, на виду у всех!

МАРИАННА: Это он меня туда привёл, он точно знает, где этот кинотеатр находится. Это станет частью восстановления его нормальной психики, как ты сам это называешь. Он сказал, что это Кудряш его туда первый раз сводил.

ВАЛЕРИО: Угу, Кудряш! Ну и как, тебе понравилось?

МАРИАННА: Да, понравилось. Совсем даже не было противно. Ты был прав, иногда такая встряска необходима, чтобы как-то подзарядиться. Я думаю, ещё как-нибудь туда схожу.

ВАЛЕРИО: Вы, наверно, этот фильм два раза подряд посмотрели, поэтому и припозднились.

МАРИАННА: Я тебя умоляю...(Она присаживается к столу и делает знак Валерио сесть с ней рядом. Он неохотно подчиняется) Когда мы вышли из кино, на улице было уже темно, мы зашли в бар, выпили, ты же знаешь, я никогда не пью, потом болтали, смеялись, твой брат иногда бывает очень остроумным, мы даже немного опьянели, и, ты знаешь, мне это было очень приятно...это был прекрасный вечер, потому что я наконец-то что-то почувствовала у себя вот здесь, (Она постукивает пальцем себя по груди там, где находится сердце) и я не хотела, чтобы это кончалось, я говорила себе, - "Давай, колотись, не останавливайся, работай, что есть силы!" Не спрашивай меня, что это было, и не пытайся сам для себя объяснить, потому что ты ни за что не догадаешься, я это говорю, не для того чтобы обидеть тебя, а потому что так будет лучше, и я умоляю, когда ты меня о чём-то спрашиваешь, или хочешь мне сказать что-то, оставляй мне маленькую щелочку, через которую я могла бы сбежать. (Она плачет)

ВАЛЕРИО: Ты всё сказала?

МАРИАННА: Всё.

ВАЛЕРИО: Ты влюбилась в него.

МАРИАННА: Нет!

ВАЛЕРИО: Да. (Он отчаянно и жалко стреляет из воображаемого автомата) Та-та-та-та-та-та! Готов! Нет здесь больше детей!

АНТОНИО: (Выключая телевизор и вскакивая с кресла) Где мои игрушки, а? Я вас спрашиваю? В этом доме каждый отвечает сам за себя. “Вот они, ты что, слепой? Прямо у тебя под носом!” Сейчас мы их соберём. (Он наклоняется и начинает собирать игрушки, разбросанные по всему полу) Белый пароход твоей мечты, волшебная подзорная труба-калейдоскоп, лживый медвежонок...и ты...и тебя...ты тоже...(Последним он подбирает пластмассового динозавра) Динозавры тоже вдруг неожиданно исчезли с лица земли. Последние научные исследования доказали, что это рука самого Господа Бога выбросила их с террасы. Поэтому каждый должен быть всегда готовым ко всему. Потому что в следующий раз может наступить его черёд. (Выходит на террасу) Так, теперь побеждали на улице, ребята, пока никто вас не видит. Сразу же за светофором поворачивайте налево. (Выбрасывает игрушки на улицу) Теперь не зевайте, бегите быстрее, идите в отрыв! (Возвращается в гостиную. Валерио и Марианна сидят неподвижно и молча на него смотрят) Если они успеют перебежать через светофор, никто больше не посмеет их тронуть даже пальцем!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Раннее утро понедельника. Первые проблески рассвета. Антонио сидит за столом, старательно выводит в тетради, повторяя про себя по слогам каждое слово. На нём брюки и куртка от утреннего костюма, и он босиком.

АНТОНИО: Приз-з-з-зрак...заг-г-г-гадочный...гос-с-с-сподство...предан-н-н-ный... (Входит Марианна в халате, выглядит измученной. Антонио наблюдает, как она идёт в сторону кухни) Привет, Марианна.

МАРИАННА: (Не глядя на него) Привет, Антонио. (Заходит на кухню, оставляя дверь открытой)

АНТОНИО: Марианна.

МАРИАННА: (Из кухни) Да?

АНТОНИО: Знаешь что? Ты очень красивая, когда только что проснулась.

МАРИАННА: (Из кухни) Обманщик!

АНТОНИО: Нет. Бессоница явно тебе к лицу.

МАРИАННА: (Появляется в дверях, держа в руках стакан молока) Ты так считаешь? (Пьёт из стакана)

АНТОНИО: Да. Мне нравится голубая венка у тебя вот здесь. (Показывает пальцем у себя на лбу)

МАРИАННА: У меня есть голубая венка?

АНТОНИО: Это вена страсти. Она появляется и исчезает, как некие острова.

МАРИАННА: Очень остроумно! (Она ставит на стол полупустой стакан и идёт в ванную, закрывая за собой дверь)

АНТОНИО: Вены никогда не врут.

МАРИАННА: (Из ванной) Я это запомню.

АНТОНИО: (Встаёт и подходит к двери в ванную) Можно, я посижу у двери?

МАРИАННА: (Из ванной) Можно, если не будешь подглядывать.

АНТОНИО: Трудно удержаться, когда в замке нет ключа.

МАРИАННА: (Из ванной) Тебе это не идёт.

АНТОНИО: Ещё как идёт! (Марианна смеётся, Антонио берёт стул и садится возле двери) Обещаю, что не буду подглядывать.

МАРИАННА: (Из ванной) Почему ты встал так рано?

АНТОНИО: Отрабатывал удвоенные согласные, у меня скоро экзамен. (Звук льющейся из крана воды) Марианна?

МАРИАННА: (Из ванной) Да?

АНТОНИО: Ты меня слышишь?

МАРИАННА: (Из ванной) Слышу, только говори погромче.

АНТОНИО: Так хорошо? Алло? Алло? Марианна, как слышно, приём!

МАРИАННА: (Из ванной) Алло? Алло? Марианна вас слышит отлично, приём!

АНТОНИО: Я хочу заняться любовью, угадай с кем? Тинкербелл обеими руками за.

МАРИАННА: Я невеста твоего брата.

АНТОНИО: Когда режешь масло, неважно, каким ножом ты это делаешь. Ложкой тоже можно.

МАРИАННА: (Из ванной) Что-о?

АНТОНИО: Я говорю, ложкой тоже можно это делать.

МАРИАННА: Что делать?

АНТОНИО: Масло резать.

МАРИАННА: (Из ванной) Ты хочешь позавтракать?

АНТОНИО: Это я к примеру сказал.

МАРИАННА: (Из ванной) Если подождёшь минут десять, мы вместе с тобой это сделаем.

АНТОНИО: Мы сделаем? Хорошо, я подожду.

МАРИАННА: (Из ванной) Вынь пока из холодильника масло. И молоко.

АНТОНИО: Скрик, скрак!

МАРИАННА: (Из ванной) Что это? Сверчки?

АНТОНИО: Нет. Это ботинки у Времени скрипят, когда оно по коридору бродит туда сюда.

МАРИАННА: (Из ванной) Ясно.

АНТОНИО: Ничего тебе не ясно. Ты даже не представляешь, какой ужас наводит детство на нас, взрослых! Через свою потайную щель я наблюдал за миром. Я запоминал и систематизировал тысячи всевозможных выражений лица на все случаи жизни дня и ночи. Но их всё равно было мало, и это я следил только за глазами. Улыбки, носы пришли гораздо позже. И таким вот образом моя жизнь обрела своё собственное лицо. И, наконец! Я ждал этого потопа, который казалось никогда не надумает нахлынуть. Так вот, потом появились доктора, один за другим, мой брат таскал меня к ним, особенно в первые годы, пока не смирился с тем, что я неизлечим, и чмокнул в лоб, как заботливые мамочки это делают, когда хотят утешить при ужжжасающих разочччарованиях, которые заставляют содрогаться горные вершины, а небеса извергать громы и молнии...Декабрь...Январь...Февраль..., и я слушал как дождь стучит по железной крыше, и всё дрожит вокруг жалкой обители...(Он встаёт, идёт к двери на террасу и выглядывает наружу) И я видел, как срывает и уносит дымовые трубы, а внизу отца, который догоняет свою убегающую шляпу, потому что иногда воспоминания вдруг всплывают неожиданно в голове...»Эй, Тони! Это мы, твои воспоминания!» Это были они, когда барабанили по подоконнику, а я бил по их пальцам, чтобы они свалились вниз на землю, как в кино! Но и это ещё был не поток, так что назад к окну посмотреть вниз, где они, женщины с волосами, развевающимися на ветру. Ты меня слышишь? (Снова подходит к двери в ванную) Эй, моя маленькая блондинка, я тебе рассказываю о себе, слушай все мои секреты! (Снова садится возле двери) Я их видел много, они проходили мимо, и я их всех хотел. Я даже специально обострил свой слух, да, я теперь слышу, как скольз-з-з-ит комбинация по телу, как некоторые панталончики шлёпают вниз, вверх, вниз, вверх, издавая звук, как будто щегол долбит свою самку клювом, у нас много щеглов живёт на дереве во двореке. Понимаешь меня? На этот раз я не лгу. Мы все знаем, что семью семь - сорок девять, но бывают дни, когда всё вдруг кажется неадекватным, особенно около шести, шести тридцати...(Он встаёт и говорит, прижавшись носом к двери в ванную) Я хочу тебя, Марианна. Страстно, рационально, сокрушительно хочу! Как насчёт этого? Ты слышишь меня? Что в этом плохого? Маленькое нарушение, ты даже и не заметишь, а потом я буду задавать тебе интересные вопросы, вот для начала тебе один, слушай внимательно: есть ли у Бога пупок? Не торопись отвечать, у тебя есть время подумать. Алло? Ты меня слышишь? Алло? (Дверь ванной открывается, и выходит Марианна в комбинации) А, вот и ты! Слышу скольж-ж-ение шёлка по твоим белым твёрдым маленьким булочкам. Твоя гладкая шелковистая штучка, куда губы моего брата никогда не отваживались добраться, говорит мне чистую правду, Марианна, тебе понравился порно-фильм, ведь так? Знаешь, этот свет в парке заманил меня в ловушку, он окружил меня со всех сторон, задушил, это было ужасно, поэтому я и повёл тебя туда, теперь, давай, признавайся, ведь Арлекин гораздо, гораздо, гораздо лучше липкого крема, которым никчёмные мужья поливают свой пуддинг каждый день своей нудной жизни? Я ведь такой же как и ты, девочка, мы оба с тобой, как канатоходцы, танцуем на натянутой проволоке, ты меня слышишь? Ты слышишь меня? Алло? Алло?

МАРИАННА: Довольно, хватит, давай помолчим. Мгновение тишины, пожалуйста.

АНТОНИО: (Глядя её по волосам, по лицу) А, да. Тишина. Я классифицировал её тоже. Одна из моих самых любимых, по-настоящему желанных, это крик крик тишина, тишина растворения, таяния...Тишина кубика льда, забытого в стакане на мраморном столике в саду. (Они целуются. Антонио ласкает её тело. Потом внезапно останавливается и смеётся) На

тебе нет штанишек.

МАРИАННА: (Тоже смеясь) Я никогда не надеваю их на ночь.

АНТОНИО: А-а-а! (Отстраняется от неё)

МАРИАННА: (Всё ещё смеясь) Интересно, чьи штанишки ты только что слышал?

АНТОНИО: (Твёрдо и жёстко) Ты очень хорошенькая, когда смеёшься. Смеющаяся бессонница. Давай, распались, куколка. Моя маленькая Олимпиада. Пирожок загрузил чуток.

МАРИАННА: (Строго) Всё, пора это заканчивать. Я уже опаздываю. (Возвращается в ванную)

АНТОНИО: Нет, подожди. Я с тобой. Азарт охотника! (Идёт за ней в ванную)

МАРИАННА: (Из ванной) Выйди отсюда! (Слышны крики и шлепки от ударов. Какой-то флакон падает на пол и разбивается вдребезги) Что ты делаешь? Отпусти меня! Нет! Не-е-ет! Помогите!

АНТОНИО: Прости. Пожалуйста, извини. Аа-а-а! А-а-а-а!

МАРИАННА: (Из ванной) Нет...нет!...Не подходи ко мне!

Дверь ванной распаивается и оттуда выбегает обезумевшая Марианна. Валерио с всклокоченными волосами на голове и в рубашке поверх брюк спешит из коридора слева в гостиную. Марианна возле правого кресла оседает на пол.

ВАЛЕРИО: Что случилось? Что он тебе сделал? Что с тобой? (Её трясёт, и она не отвечает) Он тебя напугал? В чём дело?

МАРИАННА: Он меня чуть не изнасиловал.

ВАЛЕРИО: Что?

МАРИАННА: Он набросился на меня в ванной. Он заляпал всю мою... (Она беспомощно показывает на свою комбинацию)

АНТОНИО: (Неуклюже спотыкаясь выходит из ванной, согнувшись в три погибели, он вытирается полотенцем) Ничего, ничего. (Идёт по коридору налево)

МАРИАННА: (Кричит ему вслед) Грязная свинья!

ВАЛЕРИО: (Тоже кричит, бьёт по стулу ногой, тот от удара переворачивается) Отлично! Вот она - великая любовь! Поздравляю! Поздравляю!!!

МАРИАННА: Не надо, прошу тебя.

ВАЛЕРИО: Ты ведь хотела исцелить его, да? Нет, ты бросилась спасать его! Ты совершила великий подвиг! Тебя должны с минуты на минуту канонизировать!

МАРИАННА: (Закрывая уши руками) Нет, нет, нет!

ВАЛЕРИО: Да, я смотрю во все глаза, ты же вот вот вознесёшься на небеса, я боюсь пропустить это чудо! (Марианна бежит в сторону коридора, Валерио её останавливает)

МАРИАННА: Пусти меня! (Вырывается и уходит по коридору налево)

ВАЛЕРИО: (Следуя за ней) С того момента, как ты вошла в этот дом, ты не перестаёшь повторять: “Пусти меня!”

МАРИАННА: (Из-за кулис) Мне нужен глоток свежего воздуха. (Валерио возвращается в гостиную, он вне себя от бессильной ярости. Он замечает куртку отца на вешалке и натягивает её на себя)

ВАЛЕРИО: Я не ожидал от тебя такого. Ты меня очень разочаровала.

МАРИАННА: (Из-за кулис) Извини!

ВАЛЕРИО: (Снимая с себя куртку) Мне не хочется говорить, что я о тебе думаю. Я не хочу тебе этого говорить. (Швыряет куртку на пол)

МАРИАННА: (Из-за кулис) Говори мне всё, что хочешь, и думай обо мне, что угодно.

ВАЛЕРИО: Ты искала себе мужа? И ты его нашла. Это я. Я был рождён, чтобы стать идеальным мужем, если ты этого ещё не поняла до сих пор. (Достаёт из вазы цветы) Но, с другой стороны, если ты так же стремишься достать луну с неба, тебе не надо было сюда приходить. (Он ломает цветы пополам и бросает их на пол)

МАРИАННА: (Из-за кулис) Я совершила ошибку. Даже нет, скорее всего, я вообще передумала выходить замуж.

ВАЛЕРИО: Конечно, это ведь самый простой выход, не так ли? Только не забудь, так недалеко и старой девой остаться!

Марианна возвращается, она в джинсах и в майке. Она несёт с собой два чемодана, под мышкой торчат какие-то детали нижнего белья. Валерио выдёргивает их, стараясь тем самым удержать её. Она бросает чемоданы на пол и начинает укладывать в них свои вещи, которые находятся в гостиной.

МАРИАННА: Ты маленький человечек, Валерио, а мне хочется летать высоко высоко! Взлетать всё выше и выше, рискуя свернуть себе шею!

ВАЛЕРИО: Пока что ты свернула только одну шею - мою. А теперь уходишь, и на всё тебе наплевать.

МАРИАННА: Я единственная, кому действительно причинили здесь боль. Разве ты этого ещё не понял? Раскрой глаза, придурок!

ВАЛЕРИО: Да, да, раскрой глаза! Давай, лети! Пари в своих небесах! Обнимайся с облаками! (Он бросает бельё, которое у неё забрал, в сторону чемоданов, но оно падает на пол) Давай, забирай свои облака. И моего братца заодно с ними. Знаешь, я ведь не заплачу, если ты и его заберёшь с собой. Напротив! Я даже куплю вам обоим сезонные абонементы в Арлекин.

МАРИАННА: Вот, спасибо тебе. Тогда, там и увидимся.

ВАЛЕРИО: Постарайся ничего не забыть, ладно? Я не хочу, чтобы ты завтра приползла сюда со своими извинениями, что ты тут что-то оставила. (Он идёт в ванную)

МАРИАННА: Даже и не надейся.

ВАЛЕРИО: (Из-за кулис) Давай, поторапливайся!

МАРИАННА: Делаю, как могу. (Она идёт на кухню и возвращается с какими-то пузырьками, которые тоже укладывает в чемодан)

ВАЛЕРИО: (Выходя из ванной и бросая ей упаковку Тампакса) Это тоже не забудь! И убери с глаз моих долой свой отвратительный чай из трав. И бифштексы из сои, надо же, ты почти уже уговорила меня есть эту размазню. (Кричит) Мне не нравится соя!

МАРИАННА: А мне не нравится, как я жила до сих пор. Также, как мне не нравится, как живут другие люди. А меньше всего, как живёте вы.

ВАЛЕРИО: Я бы дал тебе всё...всё!

МАРИАННА: Тысячу раз спасибо. Но в то, что я ищу не входит это твоё всё. Можешь ты это понять?

ВАЛЕРИО: Нет, не могу. Каждая вещь имеет своё название. Так что приведи пример. Хотя бы один. Давай, назови это по имени! Скажи мне, что ты всё ищешь!

МАРИАННА: (Со слезами на глазах) Я не знаю.

ВАЛЕРИО: Я попробую тебе помочь. Может быть, это толстый кошелёк? Кольца с бриллиантами? Лимузин с шофёром? А? Уже теплее? Ну же, отвечай, что ты молчишь!

МАРИАННА: Невинность.

ВАЛЕРИО: Я невинный, как младенец.

МАРИАННА: Нет, твой брат прав. Ты обыкновенный, среднего здоровья взрослый.

ВАЛЕРИО: Это преступление?

МАРИАННА: Да.

ВАЛЕРИО: Отлично, тогда, убирайся отсюда! Что же ты медлишь? (Он идёт в сторону коридора и кричит) Антонио, иди попрощайся с Марианной, она уходит.

МАРИАННА: (Наклоняясь над чемоданом) Да, Марианна уходит, и никогда больше сюда не вернётся. Марианна ищет то, чего нет. (В следующем монологе становится понятно, что она цитирует что-то) Чтобы найти то, чего нет, ты должен идти далеко далеко, выучить разные языки, сделать множество прививок. Чтобы отыскать то, чего не существует, ты должен долгие годы усердно трудиться, годы ненастья и всего лишь несколько солнечных дней. Ты должен знать это и несмотря ни на что выстоять. Чтобы найти то, чего нет, тебе потребуется буйная фантазия и нежное сердце...те качества, которые отсутствуют у обыкновенных людей. Чтобы найти то, чего нет, ты должен посвятить этому всё своё время, всю свою силу и всю свою жизненную энергию. В поисках того, чего нет, ты познаёшь самого себя, и обнаруживаешь, что те, кто преследуют всегда гораздо счастливее, тех, кто бежит прочь.

ВАЛЕРИО: Ты вычитала это в первостраничной книжке.

МАРИАННА: Да. Это прекрасная книга. Жаль, что ты использовал её только для того, чтобы держать своего брата в повиновении. Если бы ты читал её повнимательнее, может быть, сейчас мы были бы с тобой вместе. (Из коридора появляется Антонио, он одет так же, как в первом акте)

АНТОНИО: Марианна, солнышко, у тебя есть зеркальце? Я пробовал вот так делать (Он поворачивается к ней спиной, держа в руках воображаемое зеркальце), но без зеркальца ничего не видно. Ни левой рукой, ни правой.

МАРИАННА: Я тебе дам своё. Подожди минутку. (Роется в чемодане, находит свой несессер, достаёт из него зеркальце и передаёт его Антонио. Антонио хватает зеркальце и начинает

смотреть через него на Марианну, из своего обычного положения)

АНТОНИО: О, так гораздо лучше. Наконец-то я тебя снова могу видеть.

МАРИАННА: (Закрывая чемодан) Это тебе подарок от меня.

АНТОНИО: О, спасибо. Ты уходишь?

ВАЛЕРИО: Да. И она очень спешит. (Марианна надевает плащ)

АНТОНИО: Далеко собралась?

ВАЛЕРИО: Далеко, это не то слово! Она собирается искать то, чего нет.

АНТОНИО: А, ну, тогда ты точно наткнёшься на Кудряша. Передавай ему от меня привет. И скажи, что для него всегда найдётся место в этом доме.

МАРИАННА: Я ему передам.

АНТОНИО: Может мне стоит попытаться остановить тебя?

МАРИАННА: Нет, это бесполезно. (Она поднимает чемоданы и направляется в сторону коридора)

АНТОНИО: Я тоже хочу тебе что-то подарить. (Он достаёт старую книгу из комода) Первостраничную книгу. Возьми её. На память. От нас.(Марианна смотрит на Валерио, он отворачивается. Она берёт книгу)

МАРИАННА: Спасибо. (Она идёт по коридору направо. Только сейчас мы замечаем, что она забыла на полу под вешалкой свой красный шарф)

АНТОНИО: Если хочешь остаться, ещё не поздно передумать. (Слышно, как открывается входная дверь) Сделай это, ради моего брата! (Хлопает входная дверь. Антонио выглядывает в коридор) Дин дон, Марианна вышла вон! (Длинная пауза) Брат..(Валерио не реагирует) Валерио...как ты думаешь, Марианна теперь навсегда останется блондинкой? (Валерио двигается в сторону двери на террасу) Она тебе больше нравилась блондинкой или брюнеткой? Мне блондинкой. А тебе? А тебе? А тебе?

ВАЛЕРИО: Да замолчи, ты! (Он выглядывает на улицу)

АНТОНИО: Ты мне так и не ответил. Мне повторить вопрос?

ВАЛЕРИО: Брюнеткой.

АНТОНИО: Тю-тю-тю-тю. Блондинкой - лучше. Тогда никто её не увидит с вертолёта, если она спрячется в кукурузном поле.

ВАЛЕРИО: Она не бежит прочь. Она преследует. (Антонио что-то ищет в ящике комода) Что ты там ищешь?

АНТОНИО: Смотрю, не остались ли где-нибудь игрушки.

ВАЛЕРИО: Ты их все выбросил.

АНТОНИО: Обычно всегда где-нибудь на дне ящика тебя ожидает сюрприз. Как на улице со знаком "Выхода нет". Однажды я дошёл по такой улице до конца и, знаешь, что я там обнаружил? Ни за что не догадаешься. Выход! (Он смеётся)

ВАЛЕРИО: Я знаю точно, что находится во всех ящиках. Могу в любой момент провести инвентаризацию. По памяти. С закрытыми глазами. (Пауза)

АНТОНИО: Я проголодался. А ты?

ВАЛЕРИО: А я нет. (Садится в правое кресло)

АНТОНИО: Нисколечко, нисколечко?

ВАЛЕРИО: Абсолютно. (Он находит под собой журнал Уолта Диснея)

АНТОНИО: А попить не хочешь?

ВАЛЕРИО: Нет. (Он листает журнал)

АНТОНИО: Даже пить не хочешь? Что, даже настолько не хочешь, когда обычно говоришь:” Я выпью чего-нибудь попозже”?

ВАЛЕРИО: Даже настолько. (Ещё одна пауза. Валерио продолжает машинально листать юмористический журнал)

АНТОНИО: А когда папа возвращается?

ВАЛЕРИО: Я думаю, он никогда больше не вернётся. Его шляпа здесь.

АНТОНИО: А мама?

ВАЛЕРИО: И она тоже.

АНТОНИО: А Мэри и Элизабет? (Валерио не отвечает. Антонио подходит к вешалке. Брат...ты не возражаешь, если я поиграю с этим? (Он показывает на висящую одежду) Совсем чуть-чуть.

ВАЛЕРИО: Давай. Веселись.

Антонио надевает седой парик, затем папину куртку, потом шляпу. Смотрит на себя в зеркало, смеётся, потом всё это с себя снимает и натягивает на голову белый парик. Потом замечает на полу красный шарф Марианны, набрасывает его себе на плечи и идёт на Валерио, который всё ещё поглощён чтением журнала.

АНТОНИО: Олимпиада, Одиссей, Саморанч! (Валерио смотрит на него с изумлением, но так же возможно с долей скрытого удовольствия)

ВАЛЕРИО: Привет, Марианна.

АНТОНИО: Тебе уже лучше, а?

ВАЛЕРИО: Да, уже лучше.

АНТОНИО: Гораздо лучше. Гораздо, прегораздо, препрегораздо лучше. (Он садится в другое кресло. Валерио закрывает глаза) О чём ты думаешь?

ВАЛЕРИО: А? Да, я мысленно просматривал, что лежит в ящиках.

АНТОНИО: Ты, правда, помнишь всё, что там лежит? Всё, всё, всё?

ВАЛЕРИО: Всё, всё, всё.

АНТОНИО: Даже, то что засунуто в самых дальних углах?

ВАЛЕРИО: Позавчера я вдруг на секунду засомневался. Можешь мне сказать, мой первый молочный зуб в овальной шкатулке, или в круглой?

АНТОНИО: Понятия не имею.

ВАЛЕРИО: (Гордо) В круглой. В овальной - твой детский локончик.

АНТОНИО: Невероятно! (Пауза. Валерио возвращается к чтению) Дождь накрапывает. Клип! Клап!

ВАЛЕРИО: Просто парочка капель.

АНТОНИО: Потоп тоже начинается с парочки капель. (Пауза) Как ты думаешь, мы спасёмся?

ВАЛЕРИО: А? Спасёмся от чего?

АНТОНИО: Ничего, ничего. (Ещё одна пауза. Валерио переворачивает страницы. Антонио неожиданно вздрагивает) О-о!

ВАЛЕРИО: Что случилось?

АНТОНИО: Я услышал, что кто-то плачет.

ВАЛЕРИО: Где?

АНТОНИО: В моём сердце. (Смотрит себе под рубашку на грудь) Должно быть, кто-то спрятался там внутри. Похороненный заживо. Алло? Алло? (Свет начинает медленно уходить) Алло? Алло? (Валерио продолжает переворачивать страницы пока...)

Свет уходит до полного затемнения.

КОНЕЦ.